

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

A movie poster for 'Forbidden Magic' (Запретная Магия) featuring Marina Eldenbert. The central figure is a woman with long, wavy red hair, wearing a crown and a long, flowing blue gown with white gloves. She is being embraced from behind by a shirtless man with dark hair and a beard. To the left, a lion with a large mane stands on a stone ledge. In the background, a large, full moon hangs in a dark, cloudy sky, and a castle is visible on a hill. A large, stylized flame or fire effect is on the right side. The title 'Запретная Магия' is written in a large, ornate font at the bottom, with 'Запретная' in white and 'Магия' in gold.

Запретная  
Магия

Марина Эльденберт  
**Запретная магия**

«Литнет»

2022

**Эльденберт М.**

Запретная магия / М. Эльденберт — «Литнет», 2022

Все началось с покушения. Не на меня, разумеется, но от этого не легче: магической схемой-то прилетело именно мне. И ладно бы просто прилетело, но теперь у меня есть серьезная проблема в лице эрцгерцога Барельвийского, с которым мы прочно связаны тайной. Тайной, от которой зависит слишком многое. В том числе и моя жизнь. Первая книга дилогии.

© Эльденберт М., 2022

© Литнет, 2022

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 10 |
| Глава 3                           | 14 |
| Глава 4                           | 19 |
| Глава 5                           | 23 |
| Глава 6                           | 30 |
| Глава 7                           | 35 |
| Глава 8                           | 42 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 43 |

## Глава 1

*Алисия*

— Жуткая пьеса!

— Жуткая?!

— Просто кошмарная! — Антрепренер потряс у меня перед носом листами, которые грозили вот-вот разлететься.

— И чем же, с вашего позволения, она кошмарная?!

— Всем! Решительно всем! Например, главная героиня водит мобильез.

— Это так страшно?

— Ужасно! — возопил мужчина. — Нам и без того хватает этих... воинственно настроенных барышень, чтобы еще пропускать их в современное искусство!

— То есть по-вашему, женщина должна сидеть дома и вышивать?

— По-моему — да! В любом случае, дражайшая, я больше не намерен вести с вами эти беседы. Вы и без того отняли у меня бесчисленное множество времени. Поэтому — вот! — Он громыхнул рукописью о стол. — Никуда не годится!

Стоит ли говорить, что этими словами он перечеркнул год моей работы? Не только он, между прочим. Это был уже пятый столичный театр, в котором мне отказали. И последний, куда я предлагала свою пьесу.

Один их самых известных, который я оставила напоследок и надеялась на прогрессивность руководства — с тех пор, как его величество подписал указ, что женщины могут наравне с мужчинами претендовать на некоторые должности и писать (в том числе и для разного рода постановок), многие до сих пор не могли этого принять. Многие, но в столичных театрах я рассчитывала найти понимание.

Видимо, зря.

Но это не значит, что я так просто сдамся!

— Хорошо, — с милой улыбкой сказала я, собирая все-таки разлетевшиеся по столу листы.

Для этого мне пришлось наклониться, и взгляд антрепренера в ту же минуту прочно прилип к моему декольте. Я чувствовала это уже на уровне инстинктов, поскольку чаще всего именно туда мужские взгляды и прилипали. Природа щедро наградила меня ярким цветом волос и большой грудью, которая притягивала взгляд даже будучи плотно запечатанной глухой тканью. Что касается меня, я никогда не старалась ничем ее запечатать, игнорируя матушкины причитания на тему, что это бессовестно — выставять такие формы на всеобщее обозрение.

А я, между прочим, ничего нарочно не выставляла. Точно так же, как и не собиралась прятать. И это касается абсолютно всего!

— М-м-м... эри Армсвальд...

— Армсвилл, — поправила я, выпрямляясь и прижимая к груди свою пьесу.

Теперь взгляд антрепренера прилип к пьесе, странно, что она дымиться не начала.

— Да-да, эри Армсвилл. Мой вам совет — оставьте вы эту драматургию. Подумайте лучше о достойном мужчине рядом. — Он даже плечи расправил, явно намекая на то, что достоин конкретно он, несмотря на обручальный браслет на запястье. — Устройтесь в столице, будет у вас милый домик, и, возможно, собачка...

Намек был настолько прозрачный, что я подавила желание треснуть его пьесой по сверкающей лысине.

— Собака!

— Что? — У него округлились глаза.

— Собака, — повторила я. — Уменьшительно-ласкательные превращают мужчину в мальчика.

Антрепренер побагровел.

— Вон! — весьма театрально произнес он и для верности вскинул руку.

Получилось очень пафосно, но этого ему показалось мало:

— Вы, видимо, считаете, что ваша пьеса — верх гениальности! Но это всего лишь женская писанина, на которую не польстится ни один уважающий себя постановщик и ни один серьезный антрепренер.

— Ошибаетесь! — Я шагнула вперед так резко, что стихия вокруг пришла в движение. Это я скорее почувствовала: у нас в роду были воздушники, управляли ветрами, должно быть, от них мне и досталось это умение — тонко чувствовать колебания воздушных потоков даже на другом конце комнаты. Впрочем, это было единственное, что мне досталось, потому что магии во мне не было ни капли. — В течение полугода мою пьесу поставит Мориц Ларр[1], а вы будете жалеть об этом всю свою оставшуюся жизнь!

Оставив антрепренера с открытым ртом, я вылетела из кабинета в приемную, где секретарь с тонкими, напоминающими ниточку усиками, тут же подскочил.

— Прошу вас, эри! — произнес он, подхватив мое пальто со старой колченогой вешалки, грозящей вот-вот завалиться набок, и набрасывая его мне на плечи.

— Благодарю!

После душного помещения весенняя оттепель окатила промозглой сыростью. Будучи южанкой, я привыкла к тому, что в это время у нас все цветет, в столице же только-только сошли снега, обнажая щербатые камни мостовых и серые, потертые после суровой зимы стены. Небо не расщедрилось даже на пару солнечных лучиков, зато от души разбросало повсюду глубокие лужи, через которые горожанам приходилось забористо прыгать. И мне вместе с ними: моя короткая поездка подходила к концу, поэтому денег на магический общественный транспорт совсем не осталось. Что уж говорить о конном частном извозе: словно чувствуя, что их дело доживает последние дни — после изобретения Марджем Каэльским универсальной маг-схемы для движения любой повозки — цены они драли такие, что проще было ходить пешком.

— Новая постановка! — Словно издеваясь, мальчишка газетчик вскинул руку совсем рядом со мной. — Мариан Море и Лючия Альхэйм в главных ролях! Корона д'Артур! Главное событие года!

В голове у меня что-то щелкнуло.

Корона д'Артур — главный театр столицы, расположен он в самом центре, неподалеку от площади Пяти львов. Чтобы туда попасть, мне действительно придется нанять экипаж и остаться с шестью галлирами в кармане, но... А что я, собственно, теряю?!

— Газету! — крикнула я, вручая мальчишке монету, которую он немедленно сунул в карман поношенного пальто, а взамен вручил мне листок. Я устроила его поверх пьесы, плотно прижимая ее к груди и вскинула руку: — Экипаж!

<br>

— Эрн Гайтон будет завтра. Но не думаю, что до завтра у него получится посмотреть вашу пьесу.

Секретарь — девушка (что, несомненно, внушало надежду) с туго стянутыми в пучок светлыми волосами и в накрахмаленном платье, из-под подола которого выглядывали аккуратные туфельки на низком каблуке, внимательно на меня посмотрела.

— Когда я могу ожидать решения?

Она заглянула в записи.

— Три... Нет, пожалуй, четыре дня. Хотя... Эри Армсвилл, предлагаю договориться так. Чтобы вам не приезжать сюда лишний раз, оставьте свой адрес. Я отправлю к вам посыльного, как только будет принято решение. Хорошо?

Мне захотелось ее обнять. Честно говоря, после встреч, на которых от меня либо откровенно хотели избавиться, либо вовсе не принимали всерьез (а чаще, и первое, и второе), секретарь антрепренера в лучшем театре королевства вела себя так, как... как, в общем-то и должны себя вести цивилизованные люди.

— Благодарю, эри...

— Люмец, — она улыбнулась. — Я обязательно передам вашу пьесу и буду рада, если вы к нам заглянете еще не один раз, как перспективный драматург.

Бывают же хорошие люди! Я поблагодарила, и, оставив записку с адресом, тепло попрощалась с девушкой. Оказавшись за дверью, закусил губу и с трудом удержалась от того, чтобы не хлопнуть в ладоши.

Стоило ли обивать пороги театров, где на меня даже как на человека не смотрели, чтобы найти понимание в Корона д'Артур?! Впрочем, до понимания было еще далеко, но общение с эри Люмец вселяло надежду. Равно как надежду вселяло и то, что антрепренер взял на работу женщину. По мнению большинства мужчин, секретарь — исключительно мужская профессия, потому что здесь «нужна внимательность и хорошая память». А еще каллиграфический почерк и твердая рука. Каллиграфический почерк без твердой руки почему-то достаточным навыком не считался.

Как бы там ни было, антрепренер Корона д'Артур лишен всех этих предрассудков, а значит, у меня есть шанс! Настоящий шанс, что будут смотреть на мою пьесу, а не на то, что я женщина.

Исполненная самых чудесных надежд, я вышла из театра и с наслаждением вдохнула напоенный весенней свежестью воздух. Во второй половине дня по-прежнему не распогодилось, но то ли стало теплее внутри, то ли все-таки разогрело, потому что сейчас мне даже не хотелось запахнуть пальто.

Я осмотрелась и решила прогуляться до площади Пяти львов. В конце концов, в гостинице мне особо нечего делать, а учитывая тот факт, что придется задержаться в столице еще на три-четыре дня (непростительная для меня роскошь), обед у меня сегодня все равно отменяется. Ну да и ничего, будет ужин.

В конце концов, как говорит матушка, пропустить обед — поберечь фигуру!

— Прошу прощения, — остановила я женщину с усталым лицом, за юбку которой цеплялась малышка. — Подскажите пожалуйста, как быстрее выйти на площадь?

Ее мать хмуро глянула на меня, но все-таки указала в сторону убегающей вправо маленькой улочки.

— Минут пятнадцать здесь. Театр обогните, выйдете на улицу Гловеля. Дойдете до конца квартала — увидите арку.

— Благодарю!

Арка! Арка, через которое в свое время в Барельвицу ступил Даргейн Завоеватель. Образно говоря, столица началась именно отсюда. Настроение у меня сейчас было самое солнечное: ведь если получится устроить свою пьесу в Корона д'Артур, возможно, получится переехать в столицу! Нет, я безумно любила свой маленький город, где по утрам в окна врвался шум Южного моря, но это же Барельвица! Здесь я смогу писать и представлять свои пьесы лично, как делаю это сейчас. А еще присутствовать на премьерах! А еще...

— Эри! — Спешащий куда-то мужчина приподнял котелок, извиняясь — чтобы пройти по узенькой улочке ему пришлось меня потеснить.

Здесь, в центре, все улочки такие, исключение составляет разве что площадь перед Корона д'Артур, но оно и понятно. Хотела бы я посмотреть, как к вечернему представлению съезжается весь свет Барельвицы. Эри и эрины в роскошных платьях, и эрны — во фраках. Как из распахнутых настежь дверей льется свет, позолотой стекая по гербам на каретах. Как, возможно, с подножки одной из них спускается его величество Гориан Третий.

Театр — королевское развлечение.

Так всегда говорила матушка. Меня же с самого детства неумолимо тянуло к театру, с неудержимой силой. Возможно, именно поэтому я и решилась написать пьесу серьезно. Кипы «несерьезного» покоились в моем шкафу, в доме родительницы, и занимали больше полка, чем моя одежда. Одно время у меня все пальцы были синие от чернил (потому что к занятиям в школе для девочек и урокам добавлялись мои вечерние посиделки над пьесами), а однажды я даже натерла пером мозоль, которая не сходила два года.

Вдалеке виднелся купол Истрийского собора, в солнечный день, должно быть, сияющий так, что глазам больно. Я ускорила шаг, улочка увела меня влево и... перед глазами возник высокий решетчатый забор.

Хм. Наверное, где-то не туда свернула.

Да, точно, была какая-то развилка, кажется, вон за тем зеленым особняком. Я вернулась назад, шагнула в другой уличный коридор, который оглушил криками торговцев и сквозь рынок и короткий перешеек лавочек вывел на набережную. Здесь было так же шумно: современные мобильезы, гудки клаксонов и ругань конных извозчиков, шум заряженных магией двигателей и скрежет колес экипажей. Сплошной поток транспорта двигался по мостовой, почти полностью перекрывая виды на чугунный парапет и реку.

Арки поблизости не наблюдалось, и я огляделась в поисках того, у кого бы снова спросить дорогу.

— Ма-а-ам! Мама! Это же его светлость Барельвийский?!

— Тихо!

Я обернулась сначала на худенького мальчика, вытянувшего руку, и только потом увидела мужчину. Он спускался по ступеням, зажатым между колоннами, совсем рядом с нами. Всем своим видом излучая уверенность и силу. Честно говоря, странно, что колонны в сторону не отпрыгнули, потому что стоявшие на лестнице служащие склонились так, что чудом не сломались пополам. Даже бурлящая толпа притихла, и время как будто замерло.

Миг — и меня ослепила вспышка. Такой силы, как если бы перед глазами взорвалось солнце, и мир раскололся на части.

— Бомба! Это бомба!

Кто-то закричал, совсем рядом, потом этот крик подхватили другие, но когда я открыла глаза, увидела только ослепительное сияние, заливающее набережную, а еще льва. Золотого. В натуральную величину. Оскалившись, огромный сияющий зверь бил хвостом, а в самом сердце испуганной толпы, под раскрывшейся над ладонью мужчины магической схемой клубился дым несостоявшегося взрыва.

Толпа восторженно ахнула.

Мальчик вырвался из рук матери и бросился в обход меня к тому, кого назвал его светлостью.

— Никола!

Мой взгляд метнулся над его головой, и я увидела падающий наливающийся алым круг. Точнее, схему, магическую схему, наполненную невероятной силой.

— Эй! — крикнула я. — Там!

Мужчина повернулся ко мне, а я прыгнула за мальчиком, дернула его в сторону. Никола отлетел в руки бегущей к нему матери, а я — прямо в его светлость.

Шлеп!

Звуки исчезли, превратившись в глухой гул, словно я провалилась под воду. Алого стало больше, а потом в него ворвалось золото. Солнечная вспышка полыхнула совсем рядом, не то в полном ярости устремленном на меня взгляде, не то отовсюду. Солнца вокруг стало слишком много, а потом оно рывкнуло мужским голосом:

— Vetary!

И меня спеленало по рукам и ногам.

К нам уже бежали полицей, и на их лицах читался неприкрытый ужас. Как если бы это на них сейчас было совершено покушение, а не на того, кто, кстати, до этой поры довольно бесцеремонно держал меня за локоть. Я попыталась повернуть голову и не смогла.

— Арестуйте ее! — последовал короткий приказ, и вся толпа мужчин в форме устремилась... ко мне?!

Вы это сейчас серьезно?!

Мужчина наградил меня раздраженным взглядом и тряхнул рукой, словно собирался избавиться от мерзкого прикосновения — ко мне. Я попыталась открыть рот, но язык тоже меня не слушался.

Он что, набросил на меня схему затишья?

Вот же серан[1]!

Пока я размышляла о том, что скажу (когда смогу) этому неодаренному интеллектом парнокопытному, меня уже затолкали в полицейский экипаж.

Раздался чей-то зычный окрик, и карета тронулась.

<br> <br>

[1] Самый известный постановщик современности. Его пьесы неизменно отправляются в мировое турне и собирают аншлаги.

[2] Горное парнокопытное

## Глава 2

### *Райнхарт*

— Где она?

В здание Тайной канцелярии я не просто вошел, а влетел. Гвардейцы, встречающие меня, вытянулись по струнке и, видимо, попытались цветом слиться со стеной, потому что кровь резко отхлынула от их лиц.

— Отвечайте, — поторопил я. — Где она?

— Кто, ваша светлость?

— Женщина, которая пыталась меня убить.

Рыжую привезли сюда отдельно, а мне пришлось немного задержаться.

— Не можем знать точно, ваша светлость. Но либо во временной камере, либо в допросной.

Последнее было бы идеально. Потому что все, чего мне хотелось — узнать, на кого работает эта девица. Узнать, кто ее заказчик: я собирался вытрясти из нее его имя. Даже если придется трясти ее буквально.

Признаюсь, встряхнуть рыжую как следует хотелось. И себя заодно. С тех пор, как она в меня врезалась. Как прыгнула в объятия, обволакивая свежим запахом цветов, врываясь в реальность живым пламенем, вплавляясь телом в тело, и поднимая на меня расширенные глаза. Светло-карие, как у львицы, из-за которых я потерял целую секунду. Которая могла стоять мне жизни. И не только мне.

Только сработавшие рефлексy, вбитые в меня с самого детства, спасли тому мальчику жизнь. К счастью, я успел нейтрализовать заклинание, разрушив алую схему.

Алую!

Захоти эта девица подобраться ко мне через постель, я бы еще мог понять. Но использовать запретную магию через ребенка? Гадина!

Допросные показалиcя в конце коридора, и я ускорил шаг, но тут на моем пути возник Себ.

— Третье покушение, Райн! — воскликнул седовласый герцог Марирский. — Третье покушение за месяц! А ты еще даже не стал королем!

Себастиан — первый королевский советник, а еще друг моего отца, поэтому я остановился и мрачно ответил:

— Ничего не поделаешь, я пользуюсь популярностью.

— Это не шутки!

— А я разве шучу, Себ? Отставка Гориана должна была держаться в секрете, так какого гьерда я не могу шагу ступить, чтобы меня не пытались отравить, заколоть или разорвать на части?!

Либо отвлечь (а после приложить алой схемой) девицы с пышными прелестями.

От моего тона Себастиан пошел красными пятнами и кивнул мне на дверь в кабинет начальника Тайной канцелярии.

Вообще-то покушений было не три, а четыре. Сегодня — два одновременно. Учитывая, что с тех пор, как король стал сдавать, меня пытались убить уже несколько раз, я перестал верить в подобные совпадения. Сегодня кто-то явно старался отвлечь внимание маджера с помощью бомбы, а потом подобраться ко мне с помощью этой девицы. И ведь почти подобрался!

Этому кому-то очень не хочется, чтобы я взошел на престол.

— Информация о твоей коронации держится в секрете, — поджал губы первый советник.

— Поэтому о ней знает вся Барельвица?

— Гориан болен, это известно многим, а ты единственный, кто достоин занять его место.

— Не единственный.

Ответить Себастиан не успел: наш разговор прервало появление Рэстриджа, владельца кабинета. Тощего, с залезанными волосами и с почти прозрачными глазами типа.

— Ваша светлость, — он склонил голову, — мы все узнали про эри Алисию Армсвилл. Она сейчас находится в допросной комнате.

Алисия.

Я мысленно повторил ее имя, понимая, что оно идеально легло в образ.

— Покажите, — приказываю я.

Рэстридж кивает и чертит в воздухе лиловый узор, похожий на пустую раму для картины — заклинание видения. Как только добавлен последний завиток, пространство внутри рамки вспыхивает и идет рябью, а после показывает рыжую, сидящую на стуле посреди комнаты.

Обычная практика Тайной канцелярии — оставить арестованного в одиночестве на несколько часов и заставить нервничать. Но по лицу эри Армсвилл было сложно сказать, нервничает она или нет. Она сидела, будто королева на троне во время дворцового праздника. В случае, когда этикет позволяет откинуться на спинку и расположиться поудобнее. При этом вид у нее был не испуганный, а скучающий.

Притворяется или действительно спокойна?

На чем же ее взяли? Ради чего она на это пошла?!

Я так сильно сжал кулаки, что хрустнули пальцы.

— Докладывай, — велю я Рэстриджу.

— Она родом из Гриза, что на юге. Работает в цветочной лавке, живет с матерью.

Значит, мотив уже есть — деньги.

— В Барельвице недавно. Приехала, чтобы предложить свою пьесу.

Пьесу? Так себе прикрытие для женщины.

— Разумеется, утверждает, что к покушению никакого отношения не имеет. Магический анализ показал, что магией эри не обладает.

— Совсем?

— Совсем. Мы протестировали ее через схему уровня магии. Он — нулевой. Источника силы при себе не было, оружия тоже.

Нулевой? Для активации алой схемы нужна как минимум восьмерка, а то и девятка. Разумеется, я не думал, что она обладает уровнем силы выше второго-третьего, но запрещенные артефакты (в частности, Источник силы) способны временно увеличить уровень магии до предела.

Заканчивается это тем, что маг на несколько месяцев превращается в пустышку, а в худшем случае может и вовсе скатиться в близкие к нулю показатели, но не думаю, что для этой девицы магия имеет значение. Впрочем, все это доказывает только то, что ее использовали для отвлечения внимания. А она прикрывалась ребенком!

Я провожу по рамке рукой, размывая ее контуры, а потом поворачиваюсь к Рэстриджу.

— Проводите меня в допросную, — пристально смотрю на него. — Я хочу лично с ней побеседовать.

Допросная напоминала коробку с серыми стенами, яркой, питаемой универсальной городской схемой, лампой под потолком и единственной дверью.

Рыжая тут же выпрямилась на стуле и встретила мой взгляд. На миг глаза ее широко распахнулись, а после сузились. Девица так ими сверкнула, словно это я на нее покушался.

Хорошая актриса? Вероятно, лучшая в своем деле.

Хотя в том, что она лучшая я не сомневался. Сам видел.

Признаться, посмотреть было на что. Даже весьма небогатая одежда и растрепанный вид не скрывали яркую красоту. Изящные брови, высокие скулы и пухлые губы, густые локоны, будто живое пламя.

На волосах и лице девицы природа не остановилась и щедро наделила ее пышными формами, которые я сегодня имел удовольствие не только увидеть, но и почувствовать. Тот, кто отправил ее ко мне, явно долго изучал мои вкусы в отношении женщин, но не учел того, что смазливое лицо и соблазнительного декольте мало, чтобы я утратил бдительность.

Я сжал зубы, заложил руки за спину и приблизился, стараясь оставаться беспристрастным. Но как можно быть беспристрастным с женщиной, которая не побрезговала использовать ребенка?! От воспоминаний об этом внутри заворочалось нечто злое и темное.

— Знаешь, кто я такой? — поинтересовался я, останавливаясь за ее спиной и положив ладони на спинку стула. Она напряглась — довольно-таки ощутимо, бешено бьющаяся на шее жилка и неестественно прямая спина говорили о том, что она нервничает.

Наконец-то.

— Мужчина, который приказал арестовать ни в чем не повинную девушку.

Что?!

Дерево под моими пальцами натужно заскрипело, поэтому я оттолкнулся от спинки стула и в пару шагов оказался с ней лицом к лицу. Она смотрела на меня с вызовом, но и не с таких спесь сбивали.

— Нет, Алисия. Я тот, кого ты пыталась убить. И тот, кто может сделать твою жизнь невыносимой. — Я говорил тихо, с трудом сдерживая клубящуюся внутри ярость. — На кого ты работаешь?

Теперь во взгляде Армсвилл на мгновение отразилась растерянность. Правда, она тут же улыбнулась, показав очаровательные ямочки на щеках.

— На эрину Раллберг, ей шестьдесят восемь, — сообщила она самым будничным тоном, сложив руки на груди. — У нее цветочная лавка в Гризе.

И я еще рассчитывал на благоразумие этой девицы?

Только небо знает, каким чудом я сдерживаюсь.

— Кто заплатит тебе за участие в покушении?

— Никто. — Она сверкнула глазами. — Это я так... исключительно на добровольных началах. В качестве благотворительности.

Издавается! Она еще смеет отпускать шуточки по поводу того, что случилось?!

Перед глазами вспыхнула алая схема и перепуганное лицо мальчишки, которого едва успела перехватить мать.

— Это можно считать чистосердечным признанием? — прищурился я. — Будет жаль, если тебя казнят. Впрочем, казнят тебя не сразу, для начала тебя будут допрашивать уже совершенно другими методами.

Вот теперь она побледнела искренне, глаза расширились.

— За что?! — Армсвилл резко подскочила. — Я просто спасала ребенка и врезалась в вас! Я понятия не имею кто пытался вас убить! К моему величайшему сожалению, я с ним или с ней не знакома! Вы не имеете права...

Сколько чувств! Кажется, на этот раз действительно настоящих.

— Я имею право сделать с тобой все, что захочу. И можешь поверить, ты пожалеешь о том дне, когда согласились взять у заговорщиков деньги. Через несколько дней в Барельвицу доставят твою родительницу, которую тоже привлекут к допросам. Уверен, она расскажет много всего интересного.

Ее глаза вспыхнули, на миг даже показалось, что золотом, а потом она с криком бросилась на меня. Я перехватил тонкие запястья мгновенно, от резкого рывка ее снова швырнуло в меня.

Так близко — лицом к лицу, ударив знакомым цветочным запахом и тонкой белизной кожи. Она замерла на миг, а после рванулась назад, яростно сверкнула глазами.

— Отпустите!

В дверь постучали, и я разжал руки, наградив ее предупреждающим взглядом. Она вызывающе вскинула подбородок, отвернулась и потеряла запястье.

— Ваша светлость, — говорит Рэстридж, когда я выхожу из допросной, хлопнув дверью, — прошу прощения, что вмешиваюсь, но подтвердились кое-какие факты. Пьеса, о которой говорила эри Армсвилл, действительно существует. Один из моих людей изъясил ее у заместителя антрепренера в «Короне д'Артур».

Он вручает мне листы бумаги, исписанные тонким девичьим почерком. Красивым, к слову сказать.

— Эри Люмец, секретарь антрепренера, подтвердила, что за полчаса до покушения Армсвилл была у нее и оставила пьесу. Антрепренеры других театров тоже сообщили, что Армсвилл к ним приходила. Если это и подготовка, я имею в виду, к покушению, то крайне основательная, и... кхм, странная.

Странная?

Это я чувствую себя странно. Потому что под пальцами по-прежнему бешено бьется ниточка пульса, а мягкая кожа обжигает ладони даже через ткань. И этот цветочный запах... гьердов цветочный запах, а в руках сейчас — тяжесть исписанных листов. Я переворачиваю один, второй, третий, и понимаю, что ни гьерда это не подготовка и не какой-то там план.

Это действительно пьеса, которую рыжая... эри Армсвилл написала и привезла в Барельвицу.

— Вы почерк сверили? — резко спрашиваю я.

— Что?

— Почерк. Она должна была подписать показания. И здесь. — Я показываю пьесу.

— Разумеется. — Рэстридж даже выше становится от негодования, как будто я его поймал на некомпетентности.

— Гьердово племя.

Ругательство срывается с губ раньше, чем я успеваю его поймать. Ну да и пусть.

Я резко разворачиваюсь и возвращаюсь в допросную: девчонка стоит у стены, обхватив себя руками. Меня слышит, но не оборачивается, только подбирается вся.

Я тяжело швыряю пьесу на стул и спрашиваю:

— Это вы написали?

## Глава 3

### Алисия

— Это вы написали?

Если до этого момента я не имела ни малейшего желания оборачиваться, то от глухого удара и шелеста бумаги обернулась мгновенно.

Пьеса!

Моя пьеса!

Я подлетела к стулу: стопка бумаги накренилась, грозя рассыпаться по полу, и подхватила ее. Прижала к груди.

Готовая защищаться чем угодно, да хоть стулом, если мужчина попытается ее у меня забрать. К моему величайшему недоумению, он окинул меня тяжелым взглядом от макушки до кончиков туфель, после чего развернулся и вышел.

Просто, чтоб его схемой приложило как следует, вышел!

Правда, опомниться я не успела — едва за ним закрылась дверь, как появился невысокий человек в очках и сером костюме.

— Эри Армсвилл, вы свободны. Попрошу вас следовать за мной.

Что?!

Не в силах поверить своему счастью, я наконец-то покинула эту комнату, в которой провела несколько самых ужасных часов в своей жизни. Сначала, когда меня сюда привезли и освободили от магических пут, а после допрашивали, я пыталась все объяснить. Что я невиновна и просто хотела помочь мальчику, бросившемуся под схему. Потом, когда поняла, что верить мне не собираются... вот это, наверное, было самое страшное. Хотя нет, самое страшное случилось, когда появился этот высокопоставленный серан с маниакальной уверенностью в том, что я собиралась его убить.

Мы прошли по коридорам, предположительно, в сторону выхода. В небольшой комнатке мне вернули вещи: сумочку, кошелек и документы, которые предложили проверить при свидетелях. То есть при моем сопровождающем и одновременно выдающем вещи, видимо.

— Распишитесь, пожалуйста, здесь, эри Армсвилл, — произнес тот, кто выдавал мои вещи. — Вот здесь — что все получено в целости и сохранности. И здесь — что не имеете к нам претензий.

Первую подпись я поставила. Подвинула листок к говорившему. Его равнодушный взгляд уперся в бумаги, споткнулся. Мужчина поднял голову и посмотрел на меня.

— Эри Армсвилл, нужно еще...

— Вообще-то у меня к вам множество претензий, — сказала я и сложила руки на груди.

Взгляд мужчины перестал быть равнодушным, глаза за толстыми стеклами очков сверкнули.

— Вы же понимаете, что это — чистейшей воды формальность. — Он подвинул листок ко мне по затертому деревянному столу.

— Ну вот и оставьте свою формальность себе, — сказала я, отодвинув бланк обратно к нему. — А я, пожалуй, пойду!

— Мы не можем вас отпустить, пока вы не подпишете!

— В таком случае, я останусь здесь. Прямо в этой комнате. Буду ждать, пока сможете, а потом, когда выйду, пойду напрямую к журналистам и расскажу, как один высокопоставленный сноб сначала применил ко мне магию, потом угрожал пытками и допросом мне и моей матери, а после отправил вас ко мне, и вы держали меня в этой комнате, чтобы я подписала отсутствие претензий!

У мужчины натурально отвисла челюсть. Честно говоря, я не представляла, кто он такой и какую должность занимает. К моему допросу он не имел ни малейшего отношения, равно как и к словам, от которых у меня до сих пор слегка подрагивали пальцы, но он однозначно имел отношение ко всему, что здесь происходит!

— Так что? Могу я идти? — поинтересовалась я.

— Одну минуту, эри Армсвилл.

Мужчина выскользнул за дверь, в коридоре раздались голоса. Я даже прислушиваться не стала, склонившись над пьесой, которую... Пресветлый! Они же забрали ее из «Корона д'Артур»! Забрали! После того, как эри Люмец взяла ее у меня и пообещала передать антрепренеру лично в руки!

До точки кипения я дойти не успела, потому что дверь распахнулась, едва не сорвавшись с петель. Разумеется, с таким эффектом явиться мог исключительно его светлость.

— Подписывайте, — резко произнес он, двигая ко мне листок и чернильницу.

Я посмотрела ему в глаза — темные, как ночь, и сказала:

— Нет!

Крылья его носа дрогнули.

— Чего вы хотите? Денег?

В его взгляде прямо читалось все, что он обо мне думает. Впрочем, что там во взгляде — все в нем, начиная от мужских скул и резкой линии подбородка, от широких плеч, от кончиков начищенных ботинок до самой его макушки, не просто говорило, а свысока сообщало о том, что я для него — всего лишь безродная девица, от которой легко откупиться деньгами.

— Мне было бы достаточно извинений, — сказала я. — Но поскольку признавать свои ошибки вы не приучены, можете засунуть их себе в свою наисветлейшую задницу!

Не дожидаясь ответа, я подхватила сумку, пьесу, пальто и вышла за дверь.

— Эри Армсвилл! — воскликнул было ожидающий за дверью мужчина, но потом только махнул рукой:

— Выход — сразу за поворотом, направо.

Пропустили меня беспрепятственно, и я вылетела в сгущающиеся сумерки. Огляделась: здание, в котором я оказалось было из тех, что вполне могло бы оказаться как банком, так и особняком не особо увлекающихся декором горожан. Среднестатистическое, безликое, даже без крыльца, на улице, полной таких же домов.

Время! Сколько же сейчас времени?!

Должно быть, не меньше шести, а то и половина седьмого! Эри Люмец, должно быть, давно уже ушла. Подавив желание пнуть дверь, из которой я только что вышла, тряхнула головой.

Ничего! Отвезу пьесу завтра, девушка все равно сказала, что антрепренера сегодня не будет. Значит, ничего страшного не случилось — просто поеду туда прямо с утра. Глубоко вздохнув, снова огляделась.

Хорошо бы еще узнать, в каком районе я оказалась, и сколько мне добираться до гостевого дома, где я остановилась. Точнее, за сколько...

Похоже, завтра я тоже без обеда, а заодно и без ужина. Или до театра доеду, а обратно дойти пешком?

Ладно, завтра наступит, завтра и решу. Да и вообще, может и к лучшему, что все так получилось — возможно, удастся уговорить эри Люмец попросить антрепренера посмотреть пьесу пораньше. А если совсем повезет, то и получится переговорить с ним лично. Все-таки представлять свою пьесу — совсем не то же самое, что просто оставить ее на рассмотрение.

Так, а теперь...

— Эри Армсвилл.

От раздавшегося за спиной голоса я подпрыгнула на месте.

— Пойдемте. — Его светлость шагнул на улицу. — Я вас отвезу.

Не дожидаясь моего ответа, он направляется к мобилезу. Да, теперь я его узнала — эту блестящую хромированную машину, по цвету напоминающую горький шоколад, щедро сдобренный зеркальной глазурью и украшенный золотым завитком эмблемы производителя, как торт лаконичным узором.

Гьерд, а есть все-таки хочется.

Но еще больше хочется никогда его больше не видеть, поэтому я направляюсь в противоположную сторону. Эта улица немногочисленная, она вообще какая-то серая и безликая, особенно в подступающих сумерках. Похоже, сейчас уже все семь, а то и половина восьмого.

Домой хочу!

— Эри Армсвилл! — доносится раздраженное сзади.

Его серанство меня догоняет.

— Да что с вами не так?!

— Со мной все так, — отвечаю, ускоряя шаг. — Просто не имею обыкновения садиться в мобилезы к незнакомым типам, которые угрожали мне пытками.

— Я не угрожал вам пытками!

— Правда?

Я останавливаюсь и разворачиваюсь.

— А сейчас вы меня еще и преследуете! И прекратите пялиться в мое деколье.

Кажется, он лишается дара речи, потому какое-то время просто смотрит на меня. То ли пытается подобрать слова, то ли думает, как меня придушить, чтобы никто не увидел. Лично я бы поставила на второе, но я уже слишком устала, чтобы бояться. Вот там, в допросной — да, меня здорово впечатлили его слова, особенно когда он заговорил о маме!

К слову, если быть честной, смотрел он чуть повыше декольте, то есть на мою шею. Но одно от другого недалеко ушло!

— Я. Не. Пялюсь в ваше деколье, — раздельно, по слогам, произносит он. — Садитесь в машину, эри Армсвилл, или...

— Или? — Я складываю руки на груди, поверх пьесы. И к счастью, потому что с каждой минутой мне все сильнее хочется его треснуть, а пьесу жалко. Не хватало еще трепать ее обо всякие головы.

— Послушайте, чего вы добиваетесь?

— Я? С той самой минуты, как я вышла из этого здания я добиваюсь того, чтобы вы от меня отвязались. Но до вас, кажется, туго доходит! А впрочем... мне не кажется.

Его светлость сверкает глазами так, что по ощущениям может взглядом материализовать воздушную схему. Если бы это было возможно. Вся магия в принципе активируется схемами: чаще всего, ее нужно чертить — на бумаге, на дереве, на земле, на камне, в общем, на любом материале, и только после этого активировать. Разные заклинания — разные схемы, а дальше все зависит от вложенной в нее силы мага.

Маги высшего уровня, например, способны создавать серебряные и золотые, и есть еще алые. Это такая мощь, которая, по сути своей, созидать не способна, только разрушать и уничтожать. Поэтому она и называется запретной. Поэтому все, что под ней создается — преступление. Что же касается воздушных схем, сильные маги тоже способны их создавать, но не глазами, а начертанием силовых линий в воздухе. Правда, удержать такую схему стабильной гораздо сложнее, чем нарисованную.

Его светлость смотрит на меня, потом резко разворачивается и уходит.

Туда ему и дорога!

Я продолжаю свой путь приблизительно в сторону остановки (по крайней мере, я надеюсь, что в сторону остановки, пока что мой маршрут гордо именуется «подальше от его светлости как можно скорее»), когда буквально перед поворотом дорогу мне с рычанием перекры-

вает мобилез. Буквально перекрывает, чудом не зацепив подол моего платья. Его светлость толкает дверцу:

— Садитесь!

— А не приказывать вы не пробовали?!

Судя по выражению его лица, зубы он сжал так, что сейчас от них останется зубной порошок. Я уже собираюсь его обойти, когда он цедит:

— Эри Армсвилл, я прошу прощения.

У меня урчит в животе. У меня так урчит в животе, что по ощущениям сейчас вот-вот перекроет урчание двигателя.

— Ненавижу вас, — сообщаю я, устраиваясь на сиденье. — Ладно, везите. Только быстро.

На меня посмотрели так, что мне захотелось стать маленькой и врат в сиденье. Но я не вросла. Наоборот — расправила плечи и так гроыхнула дверцей, что у меня заложило уши. Со стороны его светлости что-то упало.

Кажется, второй раз за пять минут он напрочь лишился дара речи.

— Что? — поинтересовалась я под тяжелым, пристальным взглядом.

Такой не то что в мягкое кресло, в брусчатку закатает.

— Куда? — спрашивает его светлость с такими интонациями, что мне сразу становится понятно: «Каюк — это здесь, бежать — вон туда». Но мне бежать особо некуда, либо еда, либо проезд, поэтому я складываю руки на груди и сообщаю:

— Гостевой дом «Розовый куст».

— Что?!

— Гостевой дом «Розовый куст», — повторяю я. — Если у вас со слухом плохо, могу на листочке написать. Хотите?

Вместо ответа рычит мотор (а может, рычаг они одновременно с его светлостью, просто мотор громче). Мобилез срывается с места и спустя некоторое время вылетает на набережную. Темнеет, уже зажглись магические фонари, их свет распыленными кляксами растекается над парашетом и отражается в темной прозрачной глади Ницары, самой большой материковой реки в мире. На нее и я смотрю — все-таки как безумно красиво! Перевернутая столица, подсвеченная огоньками, вытянутая на глянцевом холсте.

Жаль, я рисовать не умею, мое самое большое достижение — портрет матушки крупным планом, который я нарисовала в школе. Когда его увидела учительница, она обвела себя святым кругом, потому что решила, что я изобразила Претемного в парике. С тех пор у меня психологическая травма.

У учительницы, видимо, тоже.

— Где находится розовый куст?

Я так увлеклась своими мыслями, что в реальность мобилеза его светлости выпала на полном ходу.

— Что?

— Ваш «Розовый куст». Где он находится? Я не обязан знать расположение каждой ночлежки в Барельвице.

Нет, все-таки от серана его светлость отличает одна существенная черта: даже серан не может быть настолько сераном!

— Не ночлежки, а гостевого дома, — поправила я. — Барген, шестьдесят восемь.

— Барген.

Последнее пробормотали себе под нос таким тоном, каким можно было бы поинтересоваться: что я вообще делаю, зачем и как меня сюда занесло. У-у-у, сноб проклятый! Улица Барген — это, конечно, не центр города, но вполне достойное место за те деньги, что я могу себе позволить.

Пока я размышляла на тему снобов, один из них коснулся пальцами схемы — совсем крохотной, рядом с рулем, и... ничего не произошло. Его светлость снова ткнул в крохотный круг, но круг на него не отреагировал. И правильно, я бы тоже не отреагировала, если бы в меня так бесцеремонно тыкали!

— Узор путеводителя поврежден, — пояснили мне. — Поэтому не будете ли вы так любезны сообщить мне, где одностороннее движение в той части города?

— У меня все движение одностороннее. Я пешком хожу.

— Ах, да. Как же я мог забыть.

— Да у вас вообще с памятью проблемы. И с причинно-следственными связями заодно!

Я отвернулась, рассудив, что и так достаточно времени потратила на общение с этим... с этим! Который мне пытками угрожал. И пьесу мою изъяс. И вообще, если бы я знала, где там одностороннее движение, всенепременно сказала бы! Потому что чем быстрее я избавлюсь от его общества, тем лучше!

К счастью, заговаривать со мной больше не пытались, а встали аккуратно перед поворотом, сразу за которым через два дома располагался «Розовый куст». Видимо, для того, чтобы не светиться рядом с «ночлежкой», а особенно рядом со мной. Я подхватила сумку и пьесу с колен, свободной рукой повернула ручку, и вылетела из мобилеза.

— Эри Армсвилл, вы ничего не забыли? — поинтересовались мне в спину, явно намекая на благодарность.

— Я? Нет. На всякий случай могу проверить сумку, если хотите — мало ли, вдруг ваши коллеги решили оставить себе что-нибудь на память!

Ответа я дожидаться не стала, с гордо поднятой головой и широко расправленными плечами направляясь в сторону гостевого дома. Портье оторвался от чтения книги только для того, чтобы выдать мне ключ, самый обычный, с деревянным брелком и выбитым на нем номером комнаты. Я знала, что сейчас в богатых гостевых домах используют ключи с магическими схемами-близнецами. То есть на замок и на ключ наносится одна схема, и открыть замок можно только этим ключом, но где уж мне до богатых гостевых домов!

Вспомнился пренебрежительный взгляд его светлости, и желание треснуть его пьесой вспыхнуло с новой силой.

— Хорошая моя, — погладила верхний листочек. — Не бойся, завтра я тебя отвезу обратно эри Люмец. И никогда не буду бить тобой всяких... его светлостей!

Вошла в комнату, и только положив пьесу на стол, вспомнила, что забыла зайти в небольшую пекарскую лавку в конце улицы — за своими законным ужином, ради которого я каталась на мобилезе. Да что же такое-то, а!

Топнув ногой, развернулась, и застыла.

В моей комнате, сверкая глазами, сидел золотой лев.

## Глава 4

### *Райнхарт*

Не день, а гьердов подарок!

Сначала бомба, потом алая схема. После рыжая девица, которая хамит, как дышит. И как шоколадный лев на именинном торте — отказала схема навигации в мобильезе, в результате я долго кружил по узким улицам захудалого райончика вместо того, чтобы сразу отправиться домой.

Кто вообще придумал назвать гостевой дом «Розовый куст»? У них вообще кто-нибудь останавливается с таким названием? Или только цветочницы-драматурги?

Я явно был не в себе, когда решил, что девица из какой-то глубинки, без капли магии и с ядовитым, как жала орийских пчел, языком, хочет меня убить. Естественно, хладнокровно и расчетливо, а не после допроса. Жажда огреть меня чем-то тяжелым так и горела на хорошеньком лице Алисии Армсвилл, когда я велел ей подписать отказ от претензий.

А как она разозлилась из-за матери! Если бы кто-то угрожал мне моей семьей, я бы тоже хотел этого кого-то втоптать в брусчатку. Разница между мной и Алисией была в том, что я мог это сделать, а она нет. Но при этом нарывалась на урок... вежливости.

Она просто на него напрашивалась!

Но отсутствие хороших манер — не преступление. Эри Армсвилл просто оказалась не в то время, не в том месте. Даже вопрос об авторстве был лишним. Хватило одного взгляда на то, как она прижимает свое творение к груди, чтобы понять, насколько ей дорога пьеса. Это стало последним штрихом к железным фактам, что сегодня я просчитался.

А еще ведь гордился тем, что разбираюсь в людях и могу с первого взгляда определить, какой передо мной человек! Но видимо, все эти нападения ударили по мне сильнее, чем я думал. Не помню, когда в последний раз терял над собой контроль и давал волю чувствам.

Это недостойно герцога.

Нестойно будущего монарха.

Я будто обезумел.

Все дело в том мальчике. Он напомнил мне совсем о другом ребенке. Мальчика с площади Рэстридж отыскал, с ним все в порядке, в отличие от...

Я сжал челюсти и свернул на Королевский проспект. Желание оказаться дома и вычеркнуть этот день из памяти стало первостепенным. Забыть о очередном покушении, и о том, что тот, кто его запланировал, до сих пор на свободе и владеет магией достаточно искусно, чтобы создавать запретные схемы.

Я хотел забыть обо всем, но об эри Армсвилл забыть не получалось.

Это было просто невозможно.

Смотреть на Алисию было сплошным удовольствием, но только когда она молчала, и когда молчал я. Когда же мы заводили разговор, я начинал жалеть, что не приказал отвезти ее домой кому-нибудь из подчиненных Рэстриджа. Так было бы безопаснее: для нее и для моих нервов.

Природа явно позабавилась, наградив такую яркую и чувственную женщину серановским упрямством и мастерством доводить мужчин до львиного рычания! Наше знакомство закончилось, не начавшись, и я до сих пор не мог определиться, что испытываю по этому поводу: облегчение или сожаление. В любом случае, завтра отправлю в «Розовый куст» розовый куст. В качестве извинений, как сказала рыжая. Цветочницы же любят цветы?

У нее даже пьеса называется «Бал цветов».

Значит, точно понравится.

На этой мысли я остановился возле кованых ворот, что вели на территорию моего городского особняка и активировал схему ключа. Точнее попытался активировать, но она даже не вспыхнула.

Что за гьердова напасть?

Сначала мобильез, теперь это. Я сделал пас, чтобы разобраться с этой штукой, но ворота уже начали расходиться в стороны.

Остановившись у крыльца, я взлетел по ступеням.

— Добро пожаловать домой, ваша светлость.

Дворецкий чинно шагнул ко мне, забирая пальто.

— Робсон, прикажи разобраться с воротами, схему заедает, а мне некогда этим заниматься. И пусть Кир посмотрит мобильез.

— Будет сделано, ваша светлость. Как прошел день?

— Вчера было лучше.

— У вас гости. Леви Элеонор ждет вас в малой гостиной.

Элеонор здесь?

— Давно?

— Два часа, ваша светлость.

— Хорошо.

Вернее, ничего хорошего.

Потому что если Элеонор здесь, значит, она в курсе покушения, и наверняка успела себя накрутить. И правда, стоило зайти в гостиную, как замершая возле окна Эле преодолела расстояние между нами и бросилась мне на шею.

Она не плакала. Элеонор никогда не плакала даже маленькой, но лучше бы залила слезами и мою рубашку и всю эту комнату. Потому что стерпеть то, как сестру трясет в моих объятиях, было сложно. Поэтому я прижал ее к груди, а потом осторожно отстранился и поинтересовался:

— Ну-ну, что на этот раз?

Серые, будто грозовое небо, глаза сверкнули.

— Себ рассказал, что тебя снова пытались убить.

Я сдвинул брови.

— Тебе рассказал?

— Не мне, матери. — Элеонор опустила взгляд. — Но я отправила к ним маджера и подслушала.

— Не самый достойный поступок для молодой леви.

Она наконец-то улыбнулась, искренне и дерзко.

— Да вы настоящий зануда, ваша светлость! Зиг говорит, что можно вести себя как мне захочется, если никто этого не видит.

Я мысленно выругался. Мысленно, потому что те слова, что всплыли в сознании, были недостойны герцога Барельвийского и созданы не для нежных ушей леви и уж тем более моей сестры.

Мы с Элеонор связаны родством по отцу, а они с Зигвальдом — по матери. У меня появился брат, когда мой ныне покойный отец женился во второй раз. Все наше детство с Зигом прошло в соревновании друг с другом, поэтому друзей из нас не получилось. Любовь к младшей сестре — единственное, что нас объединяло, и каждый из нас заботился о ней, как умел. Но как по мне советы Зига не годятся для Элеонор.

— Расскажи, чему еще тебя учит Зигвальд.

— Не дожدهшься! — рассмеялась Эле и вдруг снова стала серьезной: — Я очень переживала за тебя.

— Зря. Ты же знаешь, что меня не так просто убить. Пока жив мой маджер, и вовсе невозможно.

Она закусила губу, будто сомневалась в моих словах, но потом уточнила:

— Значит, все в порядке?

— В полном.

Если не считать, что я не могу выкинуть из головы одну рыжую цветочницу, из-за которой упустил настоящего преступника, так вовсе лучше не бывает.

— Все, хватит про заговоры, — отрезаю я. — Хотя бы дома я могу расслабиться?

— Можешь, — пристыженно говорит Эле.

— Лучше расскажи, как научила своего маджера подслушивать.

Маджеров, сотканных из самой магии защитников, могут создавать только маги седьмого уровня и выше, и даже при определенном ресурсе не все на это решаются. Потому что не только его создание требует колоссальных усилий, маджер постоянно подпитывается силой мага. Но в случае любого нападения на хозяина, маджер защитит его ценой собственной жизни. И создается он для защиты, а не для подслушивания чужих разговоров.

— Это просто, — отмахивается Элеонор. — Он почувствовал, что мне жизненно необходимо узнать, с чем пожаловал к матери королевский советник. Иначе умру от любопытства!

Да, маджеры у женщин иногда ведут себя странно. Как, впрочем, и сами женщины. Сначала отказываются, чтобы их подвозили, а потом соглашаются, но делают вид, что своим согласием делают большое одолжение.

— Показать его? — предлагает Эле. — Я уже научилась вызывать его просто так и не прыгать с лестницы.

— Ты прыгала с лестницы?!

— Только для того, чтобы он появился!

Ее щеки розовеют, а у меня появляется дикое желание закрыть лицо ладонью. Впрочем, следом за ним возникает желание запретить начинающему экспериментатору пользоваться магией. Хотя в случае с Эле, скорее, продолжающему.

Элеонор исполнилось восемнадцать полгода назад, и магистр, обучающий ее, только недавно разрешил сестре создать маджера. Поначалу она не всегда его контролировала, но кажется, дело сдвинулось с мертвой точки.

— Показывай и возвращайся домой, — добавляю в голос строгости. — Мать, наверное, тебя обыскала.

— Что меня искать? Она знает, что с маджером со мной ничего не случится.

Эле крепко зажмурилась и закусила губу, а когда раскрыла глаза, у ее ног появилась рысь с песочного цвета шерстью, большими ушами с кисточками и желтыми глазами. Маджер моргнул и почесался задней лапой. Кошка кошкой, если не пытаться причинить вред его хозяйке.

— Умница, — похвалил я. — Но я все равно прикажу, чтобы Кир тебя проводил.

Элеонор знает, что со мной спорить бесполезно, поэтому деланно вздыхает и чешет маджера за ухом. Для нее это забава, пусть так и остается.

Потому что сегодня я узнал, что даже маджер не гарантирует полной безопасности. Мы привыкли полагаться на них, привыкли, что они выигрывают для нас время, бросаясь вперед. Но тот, кто создал алую схему, смог обмануть не только меня, но и моего защитника. Первое, что сделаю завтра, заставлю поднять все записи о запрещенных заклинаниях. Нужно узнать, что еще я упускаю.

А сегодня...

Сегодня у меня осталось несколько часов на отдых, поэтому я поручил безопасность Эле своему камердинеру. Кир — не только мой секретарь и помощник, но еще и сильнейший боевой маг, преданный нашей семье.

Поручив Элеонор ему, я направился в сторону своих комнат.

Оказавшись в ванной, отвинтил краны с водой на максимум и принялся стягивать одежду. Рубашка и брюки отправились в кресло. Погрузившись в теплую воду, я закрыл глаза.

Зря. Потому что перед мысленным взглядом опять нарисовалась эри Армсвилл, и, спорю хоть на весь свой дом, в воздухе снова промелькнул аромат цветов. Розовых. Кустов.

М-да, так у меня точно не получится расслабиться, а завтра лучше подняться пораньше.

Кстати, о пораньше. Я начертил схему разбудителя в воздухе — несложную, но действенную, чтобы завтра не проспать, и отправил импульс.

Но ничего не произошло. Только воздух качнул занавески.

Какого гьерда?!

Я повторил схему, но тщетно. Тщетной оказалась и попытка проверить свой резерв. Потому что...

Его попросту не было.

Во мне не было магии.

Ни капли.

## Глава 5

### Алисия

Я тоже села. Правда, мимо стула, больно ударившись копчиком о дощатые полы.

Лев не пошевелился, только глаза сверкнули и перья на крыльях чуть приподнялись, когда он втянул носом воздух.

Мама.

Нет, не так...

Мама!

Лев смотрел, не мигая, и я тихонечко поползла в сторону двери. Не забывая при этом смотреть на него. Взгляд льва наконец-то сдвинулся с одной точки — он следил за мной. В этот момент я осознала две вещи: первую — что пьеса осталась на столе, рядом с которым я села мимо стула, и вторую — кажется, его светлость решил таким образом избавиться от свидетельницы... в смысле, его позора! То есть даже если его лев меня не сожрет, у меня будет разрыв сердца — вероятно, таким был ход его мыслей. А если разрыва сердца не будет, лев меня все-таки сожрет.

Но без пьесы я не уйду!

Осторожно, не сводя напряженного взгляда со льва, поползла обратно. Интересно, как действуют магические львы? Они сначала откусывают голову, или...

В этот момент у меня чуть не случился разрыв сердца, потому что лев двинулся в мою сторону. Готовая защищаться до последнего, я взмыла ввысь. Запуталась в юбках, чуть не упала, схватилась за стул, когда лев плюхнулся прямо в двух шагах от меня и занял полкомнаты. Посмотрел мне в глаза и выразительно произнес:

— Ур-р-р-р!

После чего перевернулся на спину и заурчал так, что затрясся старинный умывальник. Вместе с умывальником тряхануло и меня, правда, ненадолго: если это и был способ избавления от свидетельницы, то какой-то чрезвычайно странный.

— Э-м-м... здравствуй, — сказала я.

Лев дернул задней лапой и заурчал еще громче. Кажется, убивать меня он не собирался, поэтому версия с избавлением от свидетельницы осыпалась трухой. А я уже почти успела посыпать голову пеплом за то, что согласилась сесть в мобильез к незнакомому его светлости, который сумел выведать, где я живу, а потом подослал ко мне...

Кстати, зачем он его подослал?

— Ты точно не кусаешься? — поинтересовалась я.

— Ур-р-р-р!

От второго ур-р-р-р что-то упало с полки.

— Ладно. Тогда давай ты просто пойдешь домой? — Я осторожно, бочком, попыталась протиснуться к двери и поняла, что не могу: потому что одно крыло распласталось по стене, а второе — по полу. Вот это второе и представляло собой существенное препятствие, потому что прыгать через него в длинной юбке — проблематично!

— Домой! — повторила я и для верности указала на дверь.

Лев заурчал еще громче. А мне надоело!

Вот честное слово — надоело! Сначала меня сажают в непонятную страшную комнату, угрожают мне и моим близким, а потом вообще присылают льва!

Нормально так, да?

Нет, не нормально.

— Крыло убери! — скомандовала я — без особой, впрочем, надежды, уже готовая идти по перьям.

Не пришлось: крыло взмыло ввысь. Точнее, взмыли они оба, а потом схлопнулись, превращая льва в гигантскую котообразную магическую устрицу. Я посмотрела на все это безобразие, подхватила юбки и пошла к двери. За спиной что-то смачно гроыхнуло и скрежетнуло — обернувшись, я увидела, что лев вскочил на четыре лапы (довольно резво для такой машины!), и сейчас явно собирается направиться следом за мной.

Представив свое эффектное появление внизу (между прочим, у них даже табличка была — с животными нельзя, не уверена, что для магического льва сделают исключение), остановилась.

— Сидеть!

Ну а что, один раз сработало, может, и второй раз сработает?

Лев недовольно рыкнул, но все-таки сел.

— Вот так. Хороший мальчик. Тут и сиди. Или вообще иди домой к его светлости. Да?

— Ры!

Ну ры так ры.

Я сходила за булками, а когда вернулась, лев по-прежнему сидел на месте. Заметив меня, еще и начал с лапы на лапу переминаться, как гигантская кошка. Глубоко вздохнув, я устроилась за столом и стала жевать, но под пристальным взглядом золотых глаз кусок в горло пролезал очень сомнительно. Хотя, может статься, дело в том, что надо было сходить за водой. Воду можно было попросить у портье, но, когда я представила, что надо снова спуститься, а потом еще раз подняться, решила, что обойдусь.

Тем более что усталость уже взяла свое. Руки и ноги стали тяжелыми, голова тоже.

Представить, что я буду спать в комнате с незнакомым львом, мне бы раньше и в голову не пришло, но похоже, буду. Потому что уходить он точно не собирался, снова разлежся, занимая собой все пространство, и постукивал кисточкой по полу.

Под это постукивание я умылась, расчесала волосы, заплела косу. Потом сбегала в общую душевую в конце коридора, а когда вернулась, лев по-прежнему был на месте. Разве что к двери повернулся, и, стоило мне войти, глубоко вздохнул.

— Ладно, — сказала я. — Хочешь оставаться — оставайся.

Можно подумать, я могла его прогнать. А если бы даже и могла, сил во мне осталось только на то, чтобы дойти до окна и распахнуть его настежь. В комнате натопили так, что дышать становилось нечем. Надо будет сказать портье, чтобы завтра убавил котел, а то я тут вкрутую сварюсь.

С этой мыслью, под постукивание кисточкой по полу, я и заснула.

А когда проснулась, льва в комнате уже не было.

Зато стало еще жарче.

Наверное, на улице потеплело, оно и к лучшему. После нашей южной зимы даже столичная весна показалась мне слишком суровой.

Я быстро умылась и собралась, взяла пьесу, и уже через полчаса была на улице. Ближайшая остановка располагалась на оживленной улице через два квартала от «Розового куста», вот только какой именно номер магобуса мне нужен, я понятия не имела. Ладно, язык до Барельвицы доведет!

— Подскажите пожалуйста, что идет до «Корона д'Артур»? — поинтересовалась я у пожилой женщины, стоявшей у самого края мостовой.

— «Корона д'Артур»? А что это, доченька? — прошамкала она.

— Это...

— Главный столичный театр, — ответили за меня. Молодой человек, разбирающийся в столичных театрах, оказался высоким и широкоплечим. Светлые волосы слегка вились и

доходили до этих самых плеч, но вот глаза были очень холодными. Как сказала бы моя героиня, они напоминали горный хрусталь, но я моей героиней не была, поэтому просто подумала, что они напоминают выцветшие льдинки.

— Отсюда вы ни на чем не доедете, эри...

Я похлопала глазами. Почему-то у меня не было ни малейшего желания сообщать ему свою фамилию, особенно под таким пристальным взглядом. Он меня как будто насквозь просматривал, тоже мне, физиономист!

— Хотите, я вас провожу? — осознав, наконец, что моего имени он не дождется, поинтересовался он. С некоторым раздражением, которое я уловила весьма отчетливо.

— Нет, эрн, благодарю, — я улыбнулась. — Мне будет достаточно того, что вы просто расскажете, где останавливается нужный мне магобус.

— В этих улочках довольно легко запутаться...

— Эри! — неожиданно воскликнул стоящий рядом мужчина. — А и не надо вам никуда идти. Садитесь здесь на четырнадцатый, а через несколько остановок — я скажу вам, где выйти, можно будет пересест на единичку. Он ходит по центру, не совсем рядом с «Корона д'Артур», конечно, но к нему вообще сложно подъехать. Да и пешком прогуляетесь немного, погода сегодня чудесная.

Погода и правда была чудесная: в противовес вчерашнему дню ярко светило солнце, а лужи сверкали так, что было больно глазам. Мне даже самой погулять захотелось — погулять и подышать воздухом, полюбоваться на Ницару и старый город, где почти каждый камешек в центре — исторический. Но потом, все это потом. Сначала нужно отвести пьесу эри Люмец, а там кто знает — может, удастся пообщаться с самим антрепренером.

— Благодарю! — Я улыбнулась мужчине. — Так и поступлю.

Он разулыбался в ответ, чего не скажешь о ледяном красавчике.

— Так вы потратите гораздо больше времени, — сообщил он, глядя на меня в упор. Пальцы на его правой руке шевелились, как если бы он был пауком, наматывающим паутину на лапки. Грубоватый перстень ловил солнечные блики и словно их пожирал, разгораясь еще ярче. — Пойдемте со мной, эри.

Последнее он произнес с нажимом, перстень на солнце полыхнул алым, и в этот момент я увидела свой магобус! Четырнадцатый!

Ура!

Мужчина, который мне о нем рассказал, отступил, пропуская меня на подножку. Я отдала монетку кондуктору, и шагнула в салон, где следующим вошедшим меня впечатало в предыдущего, и вот так, упакованные слоями, мы мягко (или относительно, мостовые здесь были не очень) покатались по столице. В распахнутые окна врывался весенний ветерок, но мне казалось, что он напоминает наш летний полуденный бриз. Вроде и дует, а толку от него почти нет, разогретый южным солнцем, он настолько теплый, что иногда от него даже горячее дышать.

От духоты то и дело темнело перед глазами, а учитывая, что на следующей остановке набилось еще больше народу, мне оставалось только вцепиться изо всех сил в поручень, прижимать к себе пьесу и глубоко дышать. В жизни не падала в обмороки, и не собираюсь! Даже в столичном магобусе из-за духоты. Особенно в столичном магобусе из-за духоты. Как говорила Илли, моя лучшая подруга, если падать, то в объятия какого-нибудь красавчика.

Под красавчиком Илльяна подразумевала кого-то вроде молодого человека на остановке, она любила блондинов.

Ну и глаза у него!

Бр-р-р!

Вот подумала о нем — и сразу стало холоднее. Правда, ненадолго, потому что спустя мгновение мне уже захотелось снять не только пальто, но и все, что под ним. К счастью, обещавший мне подсказать остановку мужчина, кивнул:

— Ваша! Выходите, эри!

Эри протиснулась к выходу, а спустя пару минут уже втискивалась в такой же, только еще более плотно забитый магобус, где меня сплющило сразу с четырех сторон. Защищая самое бесценное (пьесу), я думала только о том, чтобы эта поездка поскорее закончилась и размышляла о возможности путешествия на магических крылатых львах. Что, в принципе, было фантазией чистой воды — потому что во-первых, лев испарился в неопределенном направлении, а во-вторых, я бы ни за что не села на эту махину, которая машет крыльями и летает. Но вот так, если подумать, на нем можно передвигаться или нет? Что вообще из себя представляют магические львы?

Вторая поездка была более долгой, но упасть мне не грозило при всем желании. На этот раз меня настолько плотно подпирали со всех сторон, что даже если бы я реально свалилась в обморок, заметили бы это не сразу. Как бы там ни было, на волю я вырвалась живая и счастливая от близости долгожданной встречи с эри Люмец (и, возможно, с антрепренером).

Запертый главный вход меня не остановил, и я направилась к служебному. Благо, вчера выходила именно через него.

— Заполните карточку! — потребовал седовласый усатый мужчина в униформе.

— Я вчера была у вас, вы можете проверить...

— Так положено! — пресекли мои попытки сэкономить время.

Я решила, что мое время мне тоже дорого, поэтому все заполнила и помчалась по коридору, украшенному настенными магическими светильниками, оформленными как подсвечники. Что ни говори, а роскошь в «Корона д'Артур» была во всем, начиная от красных ковровых дорожек под ногами (даже в служебных коридорах) и шелковистых завитков на обоях. Которые так и манили погладить их рукой, потому что действительно напоминали шелк.

Ух, какая же красота!

Я постучала в уже знакомую дверь с тяжелыми резными ручками, вошла.

— Эри Люмец, добрый день!

Секретарь, стоявшая у шкафа с распахнутыми дверцами, обернулась. Глаза ее расширились.

— О... эри Армсвилл...

— Я зашла вернуть свою пьесу. — Я улыбнулась и шагнула к столу. — И, возможно, я бы могла сама переговорить с антрепренером о ней?

— Эри Армсвилл, боюсь, это невозможно... — Секретарь посмотрела в пол.

Я тоже туда посмотрела — может, она уронила что-то, и ей нужно помочь?

На полу ничего не обнаружилось, поэтому взгляд мы подняли одновременно.

— Ничего страшного, — ответила я. — Думаю, я могла бы переговорить с ним уже после рассмотрения пьесы, и...

— Вы не поняли, эри Армсвилл. — Эри Люмец глубоко вздохнула. — Я не смогу принять у вас пьесу. Совсем.

То есть как — совсем?!

— Почему?!

— Потому что вчера... — Она понизила голос и посмотрела на меня в упор. — Вы, должно быть, все понимаете.

Потому что вчера пьесу забрали идиоты из следственного управления, которое все надо разогнать поголовно?! А заодно их светлость, я не знаю, как он разгоняется, но окажется он сейчас здесь...

— Эри Люмец, — я постаралась придать своему голосу как можно больше спокойствия (что в сложившихся обстоятельствах было крайне сложной задачей), — вчера со мной произошло страшное недоразумение...

Я хотела сказать «странное», но «страшное», кажется, больше подходит.

— Вчера, когда было совершено нападение, я оказалась не в то время и не в том месте. Я просто пыталась спасти ребенка, понимаете? И бросилась туда. А кое-кто...

... «С ватой вместо мозгов» ...

— Будучи крайне возбужденным...

Нет, это не то.

— В общем, меня ошибочно обвинили в том, чего я не совершала. Пьесу мне вернули, и даже извинились, но, вне всяких сомнений...

— Эри Армсвилл, — эри Люмец вздохнула и расправила несуществующие складки на платье, — вчера, когда к нам приехали люди из секретного сыска...

— Откуда?!

— Из Тайной канцелярии. — Она вновь опустила глаза, а потом снова взглянула на меня. — Эри Горах, заместитель антрепренера и так пребывал в не самом лучшем расположении духа, но когда все это случилось... Последний раз он так кричал, когда его бывший секретарь опрокинул на него чайник с кипятком, засмотревшись на щиколотки Люции Альхэйм. Словом, вашу пьесу не станут рассматривать, даже если я ее возьму. Мы не можем так рисковать репутацией театра, вы понимаете? Мне очень жаль.

В том, что эри Люмец действительно жаль, сомнений не было. Равно как и в том, что теперь меня даже полемойкой в «Корона д'Артур» не возьмут, не говоря уже о драматурге. Вот только в последнем эри Люмец точно была не виновата, все произошло из-за того, что один... самовлюбленный серан решил, что мне есть какое-то до него дело! Да если бы он мне сейчас попался, я бы собственноручно нахлобучила ему на голову ту схему и укомплектовала пьесой. А после пошла бы на рудники, да, но с гордо поднятой головой!

— Мне тоже очень жаль, эри Люмец. — Это все, на что меня сейчас хватило, чтобы выйти вместе с пьесой за дверь, мысленно посылая на голову его светлости все схемы, которые только можно себе представить.

Нет, он не самовлюбленный серан, он... я даже слов не могла подобрать, а все, что могла, употреблять в приличном обществе было не положено! Хотя какое мне дело до приличного общества. Тем более что оно мне теперь не светит. А все из-за него, из-за него, из-за него!

Ну и что мне теперь делать?

«Ехать домой», — подсказала внутренний голос.

Похоже, он прав. Денег у меня осталось на несколько дней, и не сказать, чтобы много. Поэтому сейчас мне самая дорога на вокзал, за билетами на ближайший поезд до Гриза. Городка, где я родилась, выросла, и, похоже, буду всю жизнь составлять букетики, пока не состарюсь. А мои пьесы горой перейдут к детям... если, разумеется, они когда-нибудь у меня будут. Потому что все знакомые мне мужчины, пытающиеся за мной приударить, испарялись с моих горизонтов, как только узнавали, что я пишу и собираюсь переезжать в Барельвицу.

Вот даже не знаю, им столица не по вкусу была, или грамотная жена?

Все, за исключением одного...

Ладно! Что толку сейчас об этом думать. Надо возвращаться, и уже дома решать, что делать. Возможно, через пару лет в «Корона д'Артур» забудут об эри Армсвилл, за пьесой которой приходили из Тайной канцелярии, потому что один серан (чтоб его собственный лев сожрал!) возрешил, что мне сдалась его персона!

За эмоциями я даже не заметила, что уже пролетела полквартала, а дальше... Дальше мне надо было возвращаться, потому что вокзал совершенно точно в другой стороне. Или нет? Я не настолько хорошо ориентировалась в столице, но знала, что их трех городских вокзалов (Северного, Южного и Центрального) Центральный ближе всего. К счастью, на нем можно было купить билеты и на южное направление тоже, и не надо было тащиться на другой конец города.

Мимо Центрального вокзала мы, кажется, даже проезжали на магобусе. Да, точно — мне в другую сторону. Развернувшись, я зашагала обратно. Пришлось опять пройти мимо «Корона д'Артур», мимо широких ступеней, с которых вечерами, должно быть, льется яркий свет, а из-за дверей, из роскошного холла, доносится шуршание платьев и голоса. Сердце сжалось, и я мысленно отвесила себе подзатыльник.

Не время вешать нос, Алисия!

Вот когда твою пьесу все-таки возьмут, тогда будешь нить, сколько пожелаешь, хоть по десять раз на дню. А пока — идем на вокзал!

— Скажите, я правильно иду на Центральный вокзал? — уточнила у пожилого эрна, рассматривающего скульптуру на небольшой площади перед музеем.

Он оторвался от созерцания, окинул меня не менее оценивающим взглядом, и сообщил: — Да.

После чего вернулся к своему первоначальному занятию. А я продолжила путь, решив, что буду уточнять правильность направления на каждой улице. Лучше так, чем опять свернуть куда-нибудь, где на какую-нибудь светлость будут нападать. Чтоб ему...

Я поймала себя на том, что мысленно несколько раз обрушила на голову его светлости горшки с глициниями, а в завершение полила водой из вазы, из которой посыпались розы с несрезанными шипами. Пьесу это, конечно, не спасло, но мне стало полегче. Ненадолго. До той минуты, когда я снова уточнила, куда мне идти, и перед глазами потемнело.

На этот раз причины падать в обморок не было никакой, но жар во мне стремительно нарастал. Простудилась, что ли? Я постояла у железной ограды какого-то особняка (на случай, если придется за что-то схватиться), глубоко подышала и пошла дальше.

Да, Алисия, в этот раз ты собрала все, что только можно и что нельзя! Ехать на поезде с простудой — удовольствие ниже среднего.

Центральный вокзал представлял собой здание, не уступающее по красоте «Короне д'Артур». Высокое, с белокаменными башнями и огромными часами, отмеряющими время по всем семи часовым поясам Лэграссии. На площади перед ним людей было бесчисленное множество: носильщики, зазывалы-владельцы частного извоза, обещающие отвезти в любую точку Барельвицы дешево. Постоянно подъезжали экипажи и мобилезы, лавируя по достаточно широкой улице. Служители вокзала и полиции следили за тем, чтобы ни кареты, ни мобилезы не задерживались на месте дольше положенного.

Я как раз подходила к главным дверям, когда их распахнули двое мужчин, и навстречу мне шагнула девушка в мехах. Из-под них струился атлас серебристо-голубого платья, на груди сверкало кольцо. Шелк светлых волос ниспадал на шубку — несколько густых, туго завитых прядей из высокой прически. В целом выглядела она так, как будто собиралась в «Корона д'Артур».

— Дочка! — К ней приблизился невысокий мужчина с залысинами, в дорогом пальто с меховым воротником. — Как добралась?

— Ужасно, папа! Ты представляешь?! В вагоне-ресторане закончилась сиранская икра! Какой ужас.

Они все проплывали мимо меня: светловолосая, ее отец и сопровождающие, которые везли тележки с... честно, я не представляю, сколько там было чемоданов. Семенящая за ней женщина в возрасте, которая до этого разве что ей в рот не заглядывала, почему-то посмотрела на меня. Как мне показалось, крайне осуждающе.

— Пойдемте скорее! — пробормотала девушка и вздернула носик. — Я так устала... у них, кажется, и охлаждающие схемы не работали толком.

— Я обязательно напишу в Главное управление, дорогая! — пообещал ее отец. — Как минимум они вернут нам деньги...

— Ох, но разве кто-то вернет мне мое спокойствие и бессонную ночь?

Я глубоко вздохнула и вошла в двери, которые для меня любезно придержал один молодой человек. Кассы располагались в главном зале, к ним я и направилась, когда у меня опять потемнело перед глазами. Я пошатнулась, и мир крутанулся влево.

— Эри! Эри, что с вами? Вам плохо?

Я очнулась с сознанием того, что меня поддерживают под руку. На сей раз эри, рядом с которой стояли двое малышей.

— Вы чудом не упали, — произнесла женщина. — Я едва успела вас поддержать.

Ну чудесно! Я еще и чуть не свалилась, и ничего не почувствовала при этом. Сейчас покупаю билеты, а обратно беру экипаж. Тем более что билеты возьму на ближайший поезд, и...

— Благодарю, — ответила я.

Женщина улыбнулась.

— По-моему, вам лучше немного посидеть. Вы такая бледная. Вон там есть скамеечки. — Она указала в сторону зала ожиданий, а после подхватила детей за руки и поспешила к выходу, где располагались перроны.

Я проводила ее взглядом, приложила ладонь ко лбу.

А когда отняла, с пальцев сорвались золотые искорки.

Мама!

Золотые искорки рождались на моей ладони, их становилось все больше, и жар от них шел такой, что я чувствовала себя как жаркое в чугунном котелке. Захлопнула ладонь, зажмурилась, приоткрыла один глаз — свечения становилось все больше, больше и больше. В ужасе я сунула руку в карман пальто, и там что зашипело.

И задымилось!

Нет!

Я выдернула руку из кармана, как раз в тот момент, когда вокруг завизжали. Я бы с радостью присоединилась, но голос неожиданно сел, потому что с одной стороны на меня надвигался уже знакомый лев. А с другой — не менее знакомый его светлость.

<br>

## Глава 6

### *Райнхарт*

Если до этой минуты у меня еще оставались сомнения, что эри Армсвилл просто мимо пробежала и перебежала мне дорогу, то теперь они искрами осыпались с ее ладоней. У девушки, у которой вроде как не было магии (по версии тестирующего из Тайной канцелярии), сейчас магия очень даже была.

— Стоять! — скомандовал я, когда она заметила меня и отшатнулась в сторону скамеек ожидания.

Бежать ей было некуда, поэтому я попросту направился к ней. Чтобы в следующую секунду мой маджер прыгнул вперед и преградил мне путь к девице. Лев оскалился и зарычал так, что нашу троицу на вокзале заметили все, кто ее до этого еще заметить не успел.

Мой маджер! Собственноручно созданный!

Я вообще-то потратил несколько месяцев, чтобы отрастить льву крылья. А теперь что? Он на меня рычать собирается? Гьерд бы побрал всех девиц, перебегающих дороги! И мажеров-предателей тоже!

Вышеупомянутая девица пошла красными пятнами и зашаталась, будто собиралась вот-вот лишиться сознания. Подозреваю, что не от стыда или от духоты вокзала.

Из-за моей магии, которую она не могла переварить.

— Эри Армсвилл, нам надо поговорить.

— Не надо! — сообщила она.

А потом на удивление резво метнулась вглубь вокзала. Маджер помчался за ней, под крики всех, кто попадался ему на пути. К счастью, в сторону народ отскакивал быстро, а мы так и бежали: она, подхватив юбки одной рукой, за ней лев, и замыкал процессию я.

В тот момент, когда сзади раздался полицейский свисток, девица вылетела за какую-то дверь, которую чуть не снес маджер, устремившись за ней. Мы оказались в пустующем просторном помещении, где явно намечался ремонт — об этом свидетельствовали обшарпанные стены и полузатертые схемы обеспечения светом. Дальше бежать было некуда.

— Эри Армсвилл, отзовите маджера, — прошу я. Ладно, просить я не умею, особенно в подобных ситуациях. Но, памятуя о том, что от этой девушки можно ждать чего угодно, приходится смягчить голос.

— Кого? — переспрашивает она.

— Льва. Вы нервничаете, нервничает он.

Вообще-то план был прост. Найти ту, к кому перешла моя магия, и увезти ее с собой для приватного разговора. Но то, что вместе с магией к ней перейдет и маджер, я не учел. Особенно тот факт, что сейчас лев на ее стороне.

— При чем здесь я? — поинтересовалась рыжая и ойкнула, когда ее ладони снова заискрились. — Просто заберите его!

— Я бы с радостью, но для этого мне нужно приблизиться к вам.

— Не стоит! — Она вздернула нос. — В прошлый раз, когда вы ко мне приблизились, меня арестовали!

Я бросился было к ней, но маджер яростно взмахнул крыльями и чуть не сбил меня с ног.

— Отзовите льва! — прорычал я.

— Это ваш лев, сами его и отзывайте!

— Сейчас этот лев не мой.

— Он не немой! Я слышала, как он рычит!

Наш донельзя содержательный разговор прерывает появление наряда полицейев. Точнее, полиции буквально врываются к нам и замирают, с открытыми ртами обозревая наше трио.

— Никому не двигаться! — воинственно требует один из них, очевидно главный. И почему-то смотрит на меня.

Кажется, мое терпение окончательно идет трещинами.

— Я и так не двигаюсь. — Я стягиваю перчатку, указывая ему на фамильный перстень на среднем пальце.

Полиции тут же как один бледнеют и склоняют головы.

— Ваша светлость, прошу прощения, — говорит их главный.

— Кто вы такой? — интересуюсь я.

— Офицер Лароуз, ваша светлость.

Роуз? Цветы меня преследуют!

— Офицер, выйдите и уведите своих подчиненных. Не мешайте мне.

— Конечно, ваша светлость.

— Подождите! — выкрикивает девица.

— Выполняйте, — приказываю я.

Полицеев будто сдувает ветром, и мы снова оказываемся с эри Армсвилл наедине. Маджер не в счет.

— Вернемся к нашему разговору, — предлагаю я и направляюсь в сторону рыженькой цветочницы, обходя ее и льва по кругу.

Ее львиные глаза распахиваются широко-широко, а потом гневно прищуриваются.

— Не хочу я с вами разговаривать! Я вас видеть не хочу!

— Представьте себе, я тоже. Но вы кое-что у меня украли. То, что я очень хочу себе вернуть.

— Совесть? — хмыкает она. — Вы, между прочим, тоже у меня кое-что украли!

От подобного заявления я даже останавливаюсь.

— Что?!

— Это! — Она потрясла кипой бумаги, в которой я признал пьесу. — Вы забрали мое будущее!

— Не говорите ерунды. Я вернул вам ваше сокровище.

Глаза Армсвилл яростно вспыхивают, и не только глаза.

От предельной концентрации магии полыхнули бумаги.

— Нет! — вскрикивает девушка, сбрасывая пьесу на пол и сбивая с нее пламя. Но одновременно с этим на ней самой загорается пальто.

— Осторожно! — Я устремляюсь вперед, но меня вновь отбрасывает могучим крылом.

К счастью, Армсвилл выпутывается из дымящейся тряпки и швыряет ее на пол, а маджер тут же затаптывает неудавшийся костер одним движением мощной лапы.

Правда, теперь на ней остается лишь платье, и я хмурюсь. Хмурюсь, потому что если мы задержимся здесь еще на несколько минут...

— Куда вы смотрите?

— Раздумываю, как скоро вы таким образом лишитесь всей одежды.

Она задыхается от возмущения, но потом складывает руки на груди.

— Прекратите! — не то просит, не то приказывает она.

— Прекратить — что?!

— То, что вы делаете. Со львом. С искрами.

— Это не я делаю, эри Армсвилл. Это делаете вы сами. Потому что не можете совладать с магией.

— Я не обладаю магией!

— Не обладали, — уточняю я. — Теперь обладаете. Моей.

Рыжая открывает рот и закрывает. И так несколько раз, пока она все-таки не интересуется:

— Это такая шутка?

— Я похож того, кто любит шутки?

— Я не настолько хорошо вас знаю.

— Хотите узнать меня получше?

— Нет! — отрезает она, не раздумывая, а я чувствую, что внутри снова закипаю. Потому что мне порядком надоели все эти танцы вокруг фонтанов. Будь у меня магия, я бы спеленал рыжую парализующей схемой и увел с собой. Но будь у меня магия — в этом бы не было надобности!

— Придется, если хотите жить.

— Что?!

Слегка тронутая загаром кожа Армсвилл резко бледнеет, даже румянец сходит со щек.

— Вчера мы с вами попали под древнюю и запретную схему обмена сил. Моя магия перешла к вам, а ваша должна была перейти ко мне.

— Но у меня нет магии, — повторяет она уже не так уверенно.

В том и дело. Даже маг из Тайной канцелярии подтвердил это.

— Поэтому вы должны были умереть на месте. Но почему-то до сих пор живы. Хотя это лишь вопрос времени.

— Времени?

— Да. Вы либо сгорите, потому что ваше тело просто не сможет принять могущество моей магии. Либо до вас доберутся создатели схемы. Вряд ли им понравилось, что вы нарушили их планы.

Глаза девушки расширяются и становятся еще больше. Видно, как маска ее уверенности трескается и осыпается. Она сглатывает, беспомощно озирается на маджера и тянется, чтобы обхватить себя руками, но в последний момент передумывает — сжимает кулаки и вздергивает подбородок.

— С чего вы решили, что это ваша магия?

— А чья еще?

— Не знаю... Может, того мага, который хотел вас убить.

— Это моя магия, эри Армсвилл. Потому что я ее чувствую.

— Почему я должна вам верить?

Упрямая девица!

Это раздражает и восхищает. Но больше раздражает. Я еще должен ей уговаривать ее спасти собственную жизнь! Не знаю, как получилось, что организатор покушения еще ее не нашел. Я потратил всю ночь, чтобы разобраться, какую схему применил неизвестный маг, а когда понял, в чем дело, опасался, что попросту не успею найти Армсвилл первым.

Но как оказалось, это полбеды.

Киваю на ее руки:

— Вам мало этого? — А потом на маджера: — Или этого? Какие еще доказательства вам нужны?

— Почему я должна верить в то, что вы хотите мне помочь?

— Не обольщайтесь, я здесь не ради вас, а ради собственной силы.

Девушка поджимает губы.

— Так забирайте ее!

— Это запретная магия. Считаете, что схему для передачи сил можно найти в каждом учебнике?

— Снова потащите меня в Тайную канцелярию?

Снова этот вызов. Еще немного, и я действительно ее потащу.

— Нет. Это дело касается только нас с вами.

— Значит, никто не узнает, что я пойду с вами?

— Никто.

— Я вам не доверяю. Из-за вас у меня одни неприятности.

В глазах Армсвилл снова вспыхивает отблеск магии, ладони искрят.

Поэтому, несмотря на рычание маджера, я шагаю вперед.

— У нас нет времени, чтобы разбираться с симпатиями и антипатиями, эри Армсвилл. Мне плевать, доверяете вы мне или нет. К вам перешла сила, которую я унаследовал по праву крови и которую развивал на протяжении всей жизни. Сейчас она затаилась, но в любой момент может полыхнуть сильнее всех схем взрывов разом. Догадываетесь, что будет с вами?

По ее лицу пробегает тень, и в какой-то момент я опасаюсь, что слегка перегнул. Если она сейчас лишится чувств в стиле впечатлительных леви, это только все усложнит — маджер будет защищать ее до конца. Но Армсвилл меня удивляет, она снова сжимает кулаки, с вызовом смотрит мне в глаза и интересуется:

— Как это исправить?

Я протягиваю ладонь.

— Я все объясню, но не здесь. Поговорим в более подходящем для этого месте.

— Нет, объясните все здесь!

— Вы вообще меня слушали? — Я хмурюсь. — Вы бомба с часовым механизмом.

— Я поняла, — с нажимом произносит она. — Поэтому объясняйте быстрее.

Маджер пытается меня оттеснить, но я не двигаюсь в места.

— Нужно время, чтобы разработать схему обратного процесса. Просчитать риски, чтобы не навредить ни вам, ни окружающим. Я искал вас, а не решение.

— Вы же только что сказали, что я могу взорваться в любую минуту?!

— Сказал, но с этим я тоже могу помочь.

— Как?

— Дайте руку.

Она тянет ко мне ладонь, но между нами возникает золотое крыло.

— Уберите маджера, — приказываю я. — Он — магический защитник. Как видите, он не позволяет мне к вам приблизиться.

— Он чувствует в вас угрозу?

— Он чувствует, что вы считаете меня злодеем. Просто перестаньте так считать.

— Легко вам говорить!

На этот раз у девушки вспыхивают не только ладони. Ее кожа начинает сиять, загораются будто раскаленный металл волосы, а с рук срывается настоящий огонь. Она вскрикивает.

— Прекратите сопротивляться, гьерд вас заберет! — рявкаю я.

И маджер опускает могучее крыло. А я, перехватив хрупкие запястья, притягиваю Армсвилл к себе за талию и впираюсь поцелуем в полные губы.

Ощущение такое, что в меня ударяет молния, потому что магия врывается в меня бурным потоком, сносящим все на своем пути и грозящим спалить уже нас двоих. Сжечь и испепелить. Но я не позволяю ей этого, сильнее сминаю девичьи губы, впуская в себя всю эту силу. Девушка дергается, пытается вырваться, но тщетно. У нее просто нет сил сопротивляться магии, которая проходит сквозь ее тело. Стоит ей расслабиться, это окончательно позволяет усмирить поток, и просто выпить его до конца. Впитать в себя, как впитали кожа и волосы Армсвилл аромат цветов.

От ее губ я отрываюсь неохотно, провожу пальцами по нежным щекам и пытаюсь выровнять сбившееся дыхание. Мы оба пытаемся, потому что грудь Армсвилл высоко вздымается,

она смотрит на меня широко распахнутыми глазами, а потом высвобождает ладонь с явным намерением...

Я перехватываю ее запястье почти у своего лица.

— Контролируйте свои рефлексy, — приказываю, прищуриваюсь. — Чем больше вы идете на поводу у своих эмоций, тем вероятнее возникновение нового всплеска магии. Тогда нам придется запереться в спальне.

На мгновение я чувствую себя как прежде: моя магия звенит в теле, наполняет каждую клетку. Но почти тут же начинаю ощущать, как она устремляется обратно к рыжей.

— В спальне?!

— Да, чтобы забирать излишки магии нужен близкий контакт. Это древний и самый верный способ мгновенной передачи магической силы.

## Глава 7

### Алисия

Пару минут я моргаю, пытаюсь осознать, что только что сказал этот... этот. А потом интересуюсь:

— Простите, что?!

— У вас со слухом плохо?

В этот момент я понимаю, что спасенная от магии пьеса все-таки достаточно тяжелая. И ей, наверное, ничего не будет, если пару раз опустить ее на голову этого... этого!

— Вы с ума сошли, если решили, что я буду с вами спать!

— Спать со мной я вам и не предлагаю.

Интересно, если я скажу льву: «Съешь его!» — это будет покушение или уже убийство? Как быстро действуют эти самые... как он его назвал? Маджеры!

— А что вы мне предлагаете? — язвительно интересуюсь я, стараясь восстановить дыхание. Оно, зараза такая, никак не хочет восстанавливаться. Шутка ли, когда тебя на заброшенных складах лапают всякие высокопоставленные хамы.

— Я вам предлагаю поехать со мной. Спокойно. Без истерик.

— Это кто тут истерик? — спрашиваю я, мысленно мечтая о том, чтобы оказаться во вчерашнем дне и за юбки оттащить себя от того места. Развернуть в другую сторону, да хоть в недавно вскрывшуюся реку прыгнуть, только не на него!

Магия.

Которая может меня убить.

Да тут кто хочешь истериком станет!

Потому что если меня не убьет магия, меня убьют эти другие, которые хотели убить его, или я его убью, и меня посадят, а потом меня убьет магия. Куда ни кинь, одни сплошные убийства и плохой финал. А я, между прочим, ненавижу драмы! У меня даже пьеса со счастливым концом!

— Так, Алисия...

— Ры!

Это сказал маджер. Видимо, в моем отношении к его светлости что-то снова поменялось, а в его глазах снова промелькнуло раздражение.

— Я отвезу вас к себе, и мы продолжим разговор. Согласны?

Согласна ли я? А у меня есть выбор?

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Везите. Но если вы попытаетесь меня тронуть еще раз, я попрошу маджера откусить вам...

Мой взгляд однозначно упирается в то, что я хотела сказать. Не специально, к слову, потому что у его светлости там бугор. Его светлость, кажется, тоже это осознает, потому что суровееет лицом. То есть багровееет. Слегка.

— Что вы себе позволяете?! — рычит он.

— Не больше, чем себе позволяете вы!

Он вздыхает. Глубоко. Потом запахивает полы пальто с таким звуком, что они хлопают друг о друга, как крылья гигантской бабочки или льва. Почему-то мне представляется, что именно так хлопают крылья этого льва. Милого.

— Мы с вами должны спокойно выйти из здания вокзала и сесть в мобилез. Для начала уберите льва, — командует он.

— Как?!

Он что, думает, я всю свою жизнь только и делала, что львов убирала?

— Подумайте о том, что с вами все хорошо. Что он вам не нужен, и представьте, что вы его отпускаете. Как будто рвется невидимая цепочка.

Да, всего-то.

— А если у меня не получится?

— Получится! — почти рычит его светлость. — Делайте!

— Хм.. гм...

Я смотрю на льва, который смотрит на меня, и мне совершенно не хочется его отпускать. Ну милая же киса! К тому же, защищает меня ото всяких... его озабоченностей. То, что он прикрыл пальто, вовсе не означает, что он избавился от своих гнусных намерений. Которые, впрочем, при других обстоятельствах могли бы оказаться не такими уж гнусными — внешне-стью его светлость природа не обделила. Широкие плечи, глаза как угли, и волосы темные, зачесанные назад. Такие, густые...

А-а-а-а! О чем я вообще думаю?!

Лев издает громогласный рык и начинает наступать на эрцгерцога.

— Вы что подумали?! — рычит этот.

Так я тебе и сказала, что я подумала.

— Ничего. Просто у меня не получается справляться с вашей магией!

— Дышите глубоко, Алисия.

— Не называйте меня Алисия!

— А как мне вас называть?

— Эри Армсвилл. — Я стараюсь говорить так, как наша учительница в школе для девочек.

Это вообще самое несексуальное, что только можно представить. Не учительница, в смысле, а ее голос. Хотя и учительница тоже.

Лев останавливается, складывает крылья. Поворачивается ко мне.

Я глубоко вздыхаю и представляю себя в цветочном магазине. Вот я составляю букеты, напеваю себе под нос, и думаю о том, как приду домой и буду писать пьесу. Вот ко мне приходит эрина Раллберг и говорит, что мы будем делать композиции для свадьбы дочки мэра, и я в восторге! Потому что это позволит мне поехать в Барельвицу и отвезти свою пьесу к антрепренерам. Мне спокойно и хорошо, и никакие львы мне не нужны...

— Пойдемте!

Приказ вырывает меня из моих мыслей, но когда я открываю глаза, льва рядом уже нет.

— Пожалуйста, — сообщаю я.

— Не за что, — отвечает он. — Дайте мне руку, эри Армсвилл.

— Обойдетесь.

— Дайте руку. Я не хочу, чтобы вы сыпали искрами, как неисправная схема.

— Мне холодно.

— Что?!

— Мне холодно. Мое пальто сгорело.

Его светлость снова что-то рычит, потом набрасывает мне на плечи свое.

— И пьеса. Понесите ее, пожалуйста. Я не хочу, чтобы она сгорела.

Судя по выражению его лица, стукнуть пьесой меня хочет уже он. Тем не менее возвращается за тем, что осталось от моего пальто, перекидывает через руку и подхватывает пьесу. Я подавляю желание скосить глаза вниз, чтобы убедиться, что садиться с ним в машину безопасно.

После чего все-таки позволяю ему взять себя под руку и в таком милом виде мы выходим в гудящий вокзал. Странно, дорогу, как сюда бежала, я почти не помню, зато сейчас отмечаю и высокие стены, и шум перрона за дверями с толстеными стеклами, и ожидающих пассажиров на скамейках.

— Как вас зовут? — спрашиваю я.

— Что? — Он вскидывает брови.

— Как вас зовут? Как мне к вам обращаться?

— Вы шутите? — Теперь он еще и моими словами говорит!

— Я же должна знать, с кем имею дело!

— То есть вы меня не знаете? — хмыкает он.

— Нет. Вчера мне сказали, что я совершила покушение на эрцгерцога Барельвийского, но на этом все.

Кажется, его светлость теряет дар речи. Который к нему возвращается уже на выходе из вокзала.

— Вы что, в самом деле меня не знаете?

Я пожимаю плечами:

— Я не интересуюсь политикой.

Он смотрит на меня с таким видом, как будто я сказала невероятную глупость.

— Газет вы тоже не читаете?

— Нет, с чего бы? Там иногда пишут страшную ерунду.

— Ерунду?

— Страшную.

Его светлость замолкает: видимо, на осознание того, что его магия в женщине, которая не интересуется политикой и не читает газет, ему нужно время. Мне же нужно время, чтобы принять то, что во мне есть. То есть... смогу я вообще это принять?! У детей магия просыпается в детстве, мягко и плавно, раскрывается крупницами силы. Постепенно, чтобы научиться работать со схемами и с потенциалом можно было спокойно. Тем не менее начиная с самого детства магически одаренных детей направляют в другие школы. Если родители способны оплатить обучение — отлично. Если не способны, тогда все сложнее. Ребенка тестируют, проверяют уровень магии и оценивают потенциал, после чего принимается решение — либо ему оплачивают обучение из казны, либо магию запечатывают.

Последнее, на мой взгляд, крайне жестоко, но, если возможности учиться нет, достаточно сложно управляться с магическим потенциалом. Особенно нестабильным он становится у подростков, поэтому без обучения — никак. Заканчивающие школу маги поступают в университеты или отправляются на военную службу, это что касается мужчин. Девушек же просто выдают замуж: считается, что для них достаточно школьного обучения. Вот, кстати, еще одна серьезная проблема нашего общества. Если магический дар проснулся у девочки, а ее родители не в состоянии оплатить для нее школу, ее просто сразу запечатывают.

— Витаете в облаках, эри Армсвилл? — жестко интересуется его светлость, открывая передо мной дверь мобильеза. — Пора избавляться от этой привычки. Вы же не хотите устроить самовозгорание на глазах у публики, потому что в очередной раз задумались про цветы?

Я с тоской смотрю на пьесу в его руках (жаль, что нельзя ею огреть этого сноба), а потом просто сажусь в машину. Почему изо всех, от кого мне могла достаться магия, мне она досталась от него?!

Мобильез трогается, и мы быстро проплываем мимо здания вокзала, оставляя его позади. Здесь улица широкая, но и поток экипажей, мобильезов и городского транспорта тоже огромный. Стоит нам проехать совсем чуть-чуть, как машина встает за каретой, занявшей сразу треть улицы.

— Прежде чем мы приедем...

— А куда, кстати, мы едем?

Его светлость награждает меня тяжелым взглядом.

— Ко мне.

— К вам домой?!

— К сожалению.

— К чему? — уточняю я.

— К нашему общему, я полагаю. И поскольку мы с вами вместе оказались в столь неловой ситуации, мне придется как-то вас представить обществу и моей семье.

Я даже замираю после такого заявления.

— Будете моей арэнэ.

— А?

— Арэнэ, — повторяет эрцгерцог. — Надеюсь, что это такое, вам объяснять не надо?

Точно не надо, но насчет этого я предпочла бы оставаться в блаженном неведении. Потому что сейчас мне захотелось не только огреть его пьесой, но заодно и в самом деле попросить льва откусить ему что-нибудь. У меня даже пальцы закололо, ладони снова заискрились, а сзади раздался какой-то грохот, шум, после чего я услышала жалобное:

— Ры!

— Гьердова пасть! — рявкнул эрцгерцог.

Пасть там действительно была. Скомпановавшись на задних сиденьях (насколько позволяли габариты), лев грозил заполнить собой все пространство. Это я поняла, когда мне на голову легло магическое крыло, а его светлости на голову положили хвост.

— Уберите! — прорычал высокопоставленный сноб.

— Я не буду вашей любовницей!

— Вы считаете, что это смешно?

— Я не собираюсь портить свою репутацию исключительно потому, что вы не в состоянии уследить за своей магией!

— Ничего с вашей репутацией не случится. Арэнэ — не любовница.

— А кто?!

— Муза. Возлюбленная. Называйте как хотите.

— Ну вот я и назвала — любовница!

По правде говоря, арэнэ была не совсем обычной любовницей. Так называли женщин, крайне образованных и утонченных, которые в силу своего происхождения не могли претендовать на замужество с состоятельными мужчинами, но составляли им компанию. Они могли поддержать беседу на любую тему, с ними не стыдно было выйти в свет, но... но... я никогда не представляла себя арэнэ. Хотя бы потому, что это совершенно другая жизнь. У арэнэ никогда не будет семьи — на них не женятся, и никогда не будет счастливой жизни. Несмотря на роскошь и богатство, которыми их окружали покровители, они все равно оставались всего лишь женщинами для утех и приятного времяпровождения.

Нет, это точно не мое.

Нет!

— У вас нет выбора, эри Армсвилл, — сообщили мне, отбрасывая магический хвост магического льва за спину.

— Выбор есть всегда.

— Неужели?

— Да. Я не настаиваю, чтобы вы вообще как-то меня представляли, но быть вашей арэнэ не собираюсь!

— И что вы предлагаете? — поинтересовался его светлость. — К моему величайшему сожалению, взять вас невестой мне не позволяет положение.

В его голосе было столько сарказма, что я пожелала льву сесть ему на голову.

— К моему величайшему облегчению, взять меня вам не грозит вовсе, — процедила я.

— Уберите льва!

— Ваш лев, вы и убирайте.

В таком благоприятном расположении духа мы и продолжали путь (вместе со львом) в напряженном молчании. Не знаю, кто из нас напрягался больше, но я даже по сторонам особо смотреть не могла. Только на свои руки, которые, к счастью, сейчас не искрили, да на льва, который каким-то образом умудрился устроиться на заднем сиденье и сейчас громко сопел.

Дорога показалась мне бесконечной, поэтому я ненадолго закрыла глаза. Под мерное постукивание колес о брусчатку сама не заметила, как провалилась в сон.

Глаза я открыла от того, что мы остановились.

Первое, что я обнаружила — льва не было рядом.

А второе... города тоже не было. Мобильез стоял на подъездной дорожке перед возвышающимся над нами замком.

Я поморгала. Замок не исчез.

Зато появился его светлость, который открыл для меня дверь мобильного и подал мне руку.

— Куда вы меня привезли?

— К себе домой.

— Домой?! Это у вас дом такой?

— Дом у меня в городе. Но в Барельвице у меня нет такой библиотеки, которая позволит мне как можно скорее разобраться в нашей ситуации.

Я приняла его руку и вышла из машины.

Перед величием замка, честно говоря, все остальное как-то терялось. Это монументальное сооружение, должно быть (судя по характерным башенкам), возвели еще во времена Даргейна-завоевателя, если не раньше. Высокие арочные окна и колонны, величественная лестница, ведущая к главным дверям. Я задрала голову, чтобы оценить пять этажей великолепия, протянувшегося справа и слева, в окружении бесконечных дорожек, тропинок, парковых зон и фонтанов.

— Эдельз Грин, — сообщил его светлость. — Построен восемьсот лет назад.

— Я поняла, — ответила я, возвращая голову в исходное положение, потому что она уже начинала кружиться. — Если я сгорю здесь, никто не заметит, а мой пепел потом просто сметет в совочек одна из двухсот семидесяти ваших горничных.

Его светлость кашлянул. Хотя мне показалось, что у него уголки губ дрогнули.

— У вас интересное чувство юмора, эри Армсвилл.

— А кто сказал, что оно у меня есть? — Я потерла друг о друга замерзшие ладони.

За городом было гораздо холоднее, но я с какой-то радости представила, как здесь красиво поздней весной и летом.

— Пойдемте, — кивнул эрцгерцог. — Мне нужно еще кое-чем заняться, пока вы обустриваетесь.

Обустриваюсь?

— Я не собираюсь здесь обустриваться! — возмутилась я.

— Вы же не думаете, что я оставлю вас в городе?

— Что значит — не оставите?

— Это значит, что если вы будете жить в моем городском доме, вам придется общаться с моей семьей, а я этого не хочу. Чем меньше вопросов вызывает ваше присутствие, тем лучше.

— Чудесно.

— Я рад, что мы с вами наконец-то пришли к согласию. Раньше начнем — раньше закончим.

— То есть существует вероятность, что мы со всем разберемся уже сегодня?

На меня посмотрели сверху вниз.

— На разработку схемы белого уровня уходит от одного дня до недели, — сообщил его светлость тоном занудного лектора в магуниверситете. — На разработку схемы, которая понадобится нам с вами — от четырех месяцев до полугода.

Четыре месяца?!

Никогда в жизни я еще не была так близка к тому, чтобы позорно хлопнуться в обморок. И я бы даже упала, если бы мне пообещали, что по возвращении все это забудется как страшный сон, но вряд ли. Поэтому я предпочла бодрствовать и ступила все-таки на лестницу, по которой до меня, должно быть, ходили исключительно именитые особы королевских кровей.

— Вы снова чем-то недовольны, эри Армсвилл?

Издавается, особун королевских кровей.

— Нет, я в восторге от того, что мне придется терпеть ваше общество четыре месяца.

Его светлость сдвинул брови.

— Четыре — при учете того, что я сегодня же найду и разберу принцип создания запрещенной схемы.

— А вы можете его не найти?!

— Библиотека моего рода крайне обширная, но все же не безграничная. Запрещенных схем в готовом виде не существует, только отдельные элементы.

Я бы скисла, но в этот момент перед нами распахнули двери. Просторный холл, залитый светом от нескольких люстр (выделялась из них одна, центральная, состоящая из такого количества хрустальных деталей, что считать их можно было не один день), предсказуемо оказался пустынным. Не считая дворцового, поклонившегося моему спутнику, и его помощника — такого же отстраненно-учтливового, не изменившегося в лице, даже когда его светлость отдал мое горелое пальто, в окрестностях никого больше не было.

Я не уверена, что тут вообще кто-то был.

Не считая двухсот семидесяти горничных, разумеется.

— Комната для эри Армсвилл готова, ваша светлость, — сообщил дворецкий.

— Замечательно. Я лично ее провожу.

Мои вещи!

— Мои вещи, — напомнила я, когда мы двинулись к следующей лестнице. Она уводила на второй этаж, раскидав свои широкие ладони вправо и влево, и подставляя гигантские пальцы, чтобы мы могли по ним подняться.

— Ваши вещи?

— Все мои вещи остались в «Розовом кусте»!

— Документы, надеюсь, при вас?

— Да, они в сумке.

— Вот и отлично. Все остальное пусть в «Розовом кусте» и останется.

Я чуть не споткнулась.

— Мне нужны мои вещи!

— Они вам не нужны. Моя арэнэ не будет ходить в кошмарных платьях с кошмарными декольте.

С кошмарными?!

— Если бы ваш взгляд постоянно не прилипал к моему кошмарному декольте, я бы расценила это как оскорбление, — хмыкнула я. — Но поскольку ваш ограниченный мужской ум не способен отделить элементарное физическое влечение от желания запаковать меня в непроницаемый футляр, из которого будут торчать только шея и уши, я оставляю ваши комментарии без внимания.

— Не сомневаюсь, что вы ничего без внимания не оставите, эри Армсвилл, — хмыкнул он.

— Мне нужны мои вещи.

— Хорошо. Вам их доставят. Но ходить в них вы не станете.

— А в чем, с вашего позволения, мне ходить?!

— С моего позволения завтра к вам придет портниха. До того вы будете отдыхать в своей комнате, чуть позже вам подадут ужин, а вечером я к вам приду.

Я не успела сообщить ему, что буду ждать — с чем-то тяжелым и несгораемым, например, с кочергой, когда его светлость ядовито заметил:

— Обсудить детали нашего взаимовынужденного сотрудничества. Поскольку ваш весьма развитый женский ум с не менее развитой фантазией уже нарисовал себе перспективы в красках, вынужден вас огорчить: при должных умениях и, если станете меня слушаться, к крайним мерам нам прибегать не придется. Чему я, в сложившихся обстоятельствах, несомненно рад.

Последнее его светлость произнес с раздражением.

В эту минуту я обнаружила две вещи: во-первых, что мы стоим у какой-то двери. А во-вторых, что я слегка покраснела.

— Чудесно! — повторила я, рывком отнимая у него пьесу и сумку. — В таком случае, я буду соблюдать все правила!

Не дожидаясь ответа, рванула дверь на себя и шагнула вперед, намереваясь захлопнуть ее перед носом этого... этого!

— Эри Армсвилл, это моя комната. Ценю ваше желание перейти к обсуждению прямо сейчас, но ваша дверь — соседняя.

Я отпрыгнула назад. Так резво, как если бы там находилась змея, которая может меня укусить.

— Это вам. — Он раскрыл ладонь, на которой лежала крохотная золотая пластинка с выгравированной на ней схемой. Я впервые видела постоянную схему на металле и уж тем более впервые видела артефакт. Артефакты стоили безумных денег исключительно потому, что они работали сами по себе, без присутствия мага, и заложенная в них схема не только работала для каких-то целей, но и самовосполнялась магически.

— Что это? — переспросила я, потому что его светлость так и не отдал пластинку мне. Нахмурившись, смотрел на лежащий на его ладони кругляш с аккуратной дырочкой, в которую вполне можно было продеть золотую цепочку. Мой голос словно вытолкнул его в реальность.

— Это деактиватор магии. Применяется для подростков, когда обучение магии проходит самую опасную фазу. Сила ребенка с десяти до шестнадцати очень нестабильна, и может быть всякое. Случись с вами что-то серьезное, он примет удар на себя.

— Но тогда мне вовсе не нужно...

— Нужно, — отрезал он. — Мою силу деактиватор не выдержит, он попросту сгорит. Но до того, как что-то случится с вами, я уже буду рядом. У меня есть вторая часть, эта схема зацикленная.

Зацикленная?

— Что это значит?

— Это значит, что магия перераспределяется между двумя схемами, находящимися на расстоянии. До вечера, эри Армсвилл. — его светлость вложил кругляш мне в ладонь. — Куда бы вы ни шли, что бы вы ни делали, не расставайтесь с ним.

Его светлость развернулся раньше, чем я успела ответить, и направился в сторону, откуда мы пришли. Я проводила его взглядом, и, пожав плечами, толкнула уже правильную дверь.

## Глава 8

### *Райнхарт*

Четыре месяца.

Четыре месяца.

Четыре...

Эти цифры я взял не с потолка. На разработку последней оранжевой схемы я потратил именно столько времени. Оранжевой, но не красной. Алые требовали больше внимания, сосредоточенности, мастерства, а иногда и просто удачи. И времени. Много-много времени.

А в моем случае еще и множества погибших нервных клеток.

Почему изо всех возможных людей моя сила должна была перетечь именно в Армсвилл?! В эту невыносимую, дерзкую, яркую, грубую... цветочницу! Да, не спорю, что девица красива, и, если бы мы встретились при других обстоятельствах, я бы обратил на нее внимание. Возможно. Особенно, если бы эри Армсвилл молчала! Когда она молчала или дремала, как сегодня в мобильезе, то превращалась в другого человека. Как показал поцелуй на вокзале, физически мы совместимы. Настолько совместимы, что мне пришлось мысленно разбирать зеленые схемы и вспоминать отчеты Себастиана, чтобы хоть немного приглушить собственное желание... продолжить начатое.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.